

Письма кн. Е. П. Оболенскаго М. И.
Муравьеву-Апостолу.

27 января 1858 г.

„Что отвѣтить тебѣ хорошаго, дорогой и добрый
„другъ, на твое письмо отъ 15 января, сообщающее съ
„возможною краткостью о главномъ интересующимъ
„меня въ твоёмъ настоящемъ положеніи и весьма мало
„о твоёмъ будущемъ, которое не можетъ подлежать
„сомнѣнію касательно средствъ къ существованію? Но
„эти средства еще не настолькоъ ясно обозначены, чтобъ
„ты могъ оставаться ими доволенъ. Со всѣмъ тѣмъ,
„дорогой Матвѣй, ты будешь доволенъ. Я въ этомъ
„увѣренъ или, лучше сказать, я желалъ бы въ это вѣ-
„рить, какъ я вѣрю въ мою добрую сестру Наташу.
„Словомъ, я желалъ бы, чтобъ ты находился въ оди-
„наковомъ со мною положеніи: ты поймешь, когда я
„скажу тебѣ, что я поселился у своей Наташи, чув-
„ствую себя дома, и это дома я нахожу въ ея сердцѣ
„и нигдѣ больше оно для меня существовать не мо-
„жетъ. Но это рѣдко встрѣчается. Я убѣжденъ, что
„твой братъ Василій докажетъ тебѣ и дружбу, и нѣ-
„что больше того, о чемъ ты потолкуешь со мной
„послѣ перваго съ нимъ свиданія.

О своемъ братѣ онъ писалъ въ слѣдующихъ пись-
махъ къ нему:

23 марта 1861 г.

„Другъ Матвѣй Ивановичъ! Я въ Москвѣ съ 13 марта, прѣхалъ отдать послѣдній долгъ брату Константину, который мирно окончилъ жизнь 11-го марта, 14-го его фабричныя мастеровые отнесли его на Ваганьковское кладбище и тамъ глубоко въ землѣ зарыли бездыханное его тѣло.

„Тяжело было разставаться съ нимъ. Мы росли вмѣстѣ и всѣ лѣта юности и часть зрѣлыхъ лѣтъ провели почти подъ одной кровлей. 30 лѣтъ сибирской жизни разъединили насъ, но не лишили теплаго родного сочувствія. Такъ мы встрѣтились въ 1856 году, такъ прошли и послѣдніе 4 года. Но настала его коненъ, и теперь все остается въ одномъ воспоминаніи. Но грустно еще то, что мнѣ приходится быть свидѣтелемъ и счетчикомъ его финансовыхъ операций, этихъ безчисленныхъ силетеній долговыхъ цифръ, приводящихъ въ недоумѣніе самаго опытнаго коммерческаго туза, который всю жизнь провелъ въ коммерческихъ оборотахъ. Я же не только не могу назваться тузомъ, но едва ли гожусь и въ двойки. Между тѣмъ нужда, долгъ требуютъ заявить и тутъ свою личность и ея отстаивать доброе имя брата и все его достояніе защищать отъ грабительства. Но не думай, чтобъ я тутъ былъ лично заинтересованъ. На мою долю придется одинъ трудъ умственный и нравственный, а награда за трудъ—спокойствіе совѣсти въ исполненіи долга. Вещественнаго тутъ нѣтъ ничего и не можетъ быть.

10 апрѣля 1861 г.

„Сердечное тебѣ спасибо, другъ Матвѣй Ивановичъ, за то, что ты откликнулся на мое семейное, горе. Я сижу здѣсь въ нѣкоторомъ смыслѣ съ открытыми глазами, какъ нѣкогда сидѣлъ Велизарій на развалинахъ Карфагена“.

„Ты помнишь комфортабельную квартиру брата, помнишь, какъ все у него было хорошо, со вкусомъ, безъ вычурности плебеянина, но съ простотою джентельмена прибрано, убрано,—и какъ во всей его домашней жизни видѣнъ былъ порядокъ вмѣстѣ съ довольствомъ. Онъ одинъ былъ орудіемъ и дѣятелемъ всего того, что такъ нравилось въ его обычномъ образѣ жизни. Не стало его, и вся эта обстановка разлетѣлась, все приняло видъ разрушенія, его квартира скоро запустѣетъ, и мебель, и портьеры, и вся обстановка будетъ добычей кредиторовъ. Однимъ словомъ, исчезъ онъ—и съ нимъ вся его обстановка рушится, не оставивъ по себѣ слѣда. Почему же имъ все это держалось, почему же все было такъ уютно, такъ тепло и хорошо? Не умѣю этого разгадать. Но я сижу, размышляю и стараюсь по возможности изъ этого разрушенія собрать все то, что можно, дабы спасти честь и доброе имя покойнаго. Вотъ мое призваніе въ настоящее время. Если я успѣю совершить это благое дѣло, то поблагодарю Господа отъ всей души*.

20 мая 1861 г.

„Передо мной твой листокъ отъ 12 мая, другъ Матвѣй Ивановичъ, и весьма сожалѣю, что не лично бесѣдую съ тобой на Малой Дмитровкѣ^{*)}, а письмомъ отвѣчаю на дружескую твою бесѣду, которая никогда не замѣнитъ живого слова. Я спѣшилъ изъ Москвы, чтобъ встрѣтить Пасху въ своей семьѣ, и радуюсь, что наконецъ вышелъ изъ болота векселей и долговъ, лежащихъ на фабрикѣ, и изъ лабиринта законныхъ формальностей, коими запутаны пріобрѣтеніе собственности и даже отреченіе отъ пріобрѣтенія. Теперь все это дѣло у меня за плечами, а я на шесть мѣся-

*1) Бывшій домъ С. Н. Бибиковой, жены племянника Муравьева-Апостола, у котораго онъ останавливался, прѣѣзжая изъ Твери.

„цевъ свободенъ; но по истеченіи срока долженъ буду
 „вновь явиться на аренѣ законности и окончательно
 „передамъ нить лабиринта извѣстной мнѣ Ариаднѣ, ко-
 „торая сумѣетъ найти изъ лабиринта безпрепятствен-
 „ный выходъ.

„Въ продолженіи моего пребыванія въ Москвѣ я не
 „успѣлъ прочесть ни одного журнала, не написалъ ни
 „одного письма, кромѣ калужскихъ, необходимыхъ
 „для успокоенія семьи. Но ты меня спросишь: что же
 „вышло изъ моей заботливости, отъ суетливости ви-
 „димой? Результатъ слѣдующій: все наследство послѣ
 „брата—фабрика, на фабрикѣ, т.-е. на братѣ, были
 „долги, превышающіе цѣнность фабрики. Я отдалъ
 „фабрику съ тѣмъ, чтобъ долги были уплачены. Сле-
 „довательно, цѣль достигнута. Между тѣмъ ты видѣлъ
 „образъ жизни брата, его обстановку, прислугу и пр.
 „Кончилась жизнь, и это внѣшнее осталось, но безъ
 „внутренняго значенія, безъ капитала, котораго оно
 „было бы выраженіемъ. Нечѣмъ было замѣнить эту
 „существенную часть, эту основу внѣшней жизни, и
 „все отдано въ уплату долга¹⁾.

„Съ 22 апрѣля я вновь въ своей семьѣ, и радуюсь,
 „и наслаждаюсь: Ваня мой держитъ теперь переходный
 „экзаменъ изъ 2-го класса въ 3-ій; доселѣ экзаменъ
 „идеть довольно успѣшно; надѣюсь, что онъ окончитъ
 „удовлетворительно. Къ августу нужно будетъ приго-

¹⁾ И въ этомъ не сродномъ ему дѣлѣ, тоже неожиданно навязанномъ ему силою обстоятельствъ, Оболенскій, совнавая свою неумѣлость взяться за него, остается вѣренъ себѣ: имѣя двухъ сыновей сибиряковъ и дочку калужанку, безгранично имъ любимыхъ, онъ все-таки не способенъ и помыслить о сдѣлкѣ со своею совѣстью ради ихъ матеріальнаго обезвеченія, но хлопоталъ только о полномъ удовлетвореніи всѣхъ кредиторовъ покойнаго брата. И послѣ продолжительныхъ мытарствъ, измучившихъ его нравственно, а слѣдовательно и физически, онъ, достигнувъ желаемаго, дѣлится своимъ счастьемъ съ Муравьевымъ-Апостоломъ. (Прим. А. П. Сазоновичъ).

„товить и Петю къ вступленію во 2-ой классъ. Все „это ступени лѣстницы, по которой нужно имъ будетъ „всходить отъ знанія къ знанію. Дай Богъ только „чтобъ вмѣстѣ съ внѣшнимъ любомудріемъ возрастала „въ нихъ и внутренняя жатва, т.-е. то духовное любо- „мудріе, которое, какъ солнце, обновляетъ все, до чего „касается ¹⁾).

— „Гимназія и уроки дѣтскіе поглощаютъ почти все „послѣобѣденное время. Я репетиторъ уроковъ и на- „хожу, что это забота довольно многотрудная. Надежда „на отдыхъ впереди, а теперь время трудовъ и заботъ. „Такъ проходитъ наша жизнь,— очутишься на послѣд- „немъ часѣ—и прошедшее представится, какъ сонъ,— „и узнаешь, что покой не на землѣ, а за гробомъ, въ „свѣтлой вѣчности. Да позволить и да поможетъ Го- „сподь достигъ этой желанной цѣли.

„Дочь моя Ольга,—это семейная радость, утѣшеніе „наше. Ей скоро минетъ 2 года, время начала болтов- „ни, слѣдовательно развитія умственного, которое въ „вышей степени привлекательно ²⁾).

Не ученіе, а воспитаніе сыновей сокрушало Евгенія Петровича, что однажды и выразилось у него въ слѣдующихъ сѣтованіяхъ (А. С.):— „Гимназисты мои имѣютъ „хорошія и дурныя стороны. По мѣрѣ возраста они же-

¹⁾ Примѣрный отецъ пристрастно занимался воспитаніемъ и ученіемъ своихъ гимназистовъ, и ихъ обоюдные труды не пропали даромъ: мальчики получали хорошія отмѣтки и легко переходили изъ класса въ классъ. Но усложнявшіеся труды старика-отца становились для него тяжелѣе съ каждымъ годомъ, тѣмъ болѣе, что на немъ, кромѣ того, какъ на мужчинѣ, главѣ дома, лежали обязанности наблюденія за тульскимъ имѣніемъ Натальи Петровны и всего прочаго, что свѣдалось уже не подъ силу престарѣлой и болѣющей его сестрѣ. (Прим. А. П. Созоновичъ).

²⁾ Дѣвочка находилась на исключительномъ попеченіи своей тетки и вмѣстѣ съ тѣмъ крестной матери Натальи Петровны и была ея любимицей. (Прим. А. П. Созоновичъ).

„даютъ независимости, но не могутъ ею пользоваться потому, что умокъ ихъ еще ребяческій. Борьба съ этимъ направлѣніемъ, — вотъ ежедневная забота. Въ гимназій большинство учениковъ званія мѣщанскаго или чиновническаго, которые далеки отъ класса образованнаго, и постоянное сообщеніе съ ними имѣетъ вредное вліяніе на дѣтей. Мои гимназисты начинаютъ не стыдиться того, чего бы стыдились, еслибъ находились всегда въ порядочной средѣ. Признаюсь, это меня и огорчаетъ, и оскорбляетъ. Но помочь горю нечѣмъ, поэтому терплю зло неизбежное“.

Гимназисты достигнувъ высшихъ классовъ, утѣшали отца успѣхами и въ латинскомъ языкѣ. По этому поводу онъ сочувственно отнесся къ М. Н. Каткову отъ 15 ноября 1864 г. (А. С.).

„Теперь“, писалъ Оболенскій, „видимо первенствуетъ латинскій классъ, который даетъ усиленную работу юнымъ головамъ. Видно, что приготовляются серьезно къ предстоящей перемѣнѣ прежняго реальнаго на будущее классическое образованіе. Нельзя этому не порадоваться и нельзя не сказать мысленно большое спасибо Каткову за его борьбу за классицизмъ. Но чтобъ осуществить эту прекрасную мысль, нужно приготовить хорошихъ классиковъ-профессоровъ, а для этого нужно время. И наши семинаріи, и академіи наши давно забыли классиковъ, въ особенности греческихъ. Пока этотъ дефицитъ пополняется, наши дѣти успѣютъ возмужать и, можетъ быть, даже получить не одинъ чинъ; а съ чиномъ они примутъ чиновопочитаніе, но не классикопочитаніе; второму я бы порадовался болѣе, нежели первому. Но видно до этой радости мнѣ не дожить и не дожидаться“¹⁾.

¹⁾ Съ лѣтами недостатки дѣтей, огорчавшіе отца, сглаживались. Въ ихъ отроческомъ возрастѣ, онъ еще не находилъ ничего опредѣленнаго, но въ общемъ усматривалъ, что есть надежда на дальнѣйшее развитіе ихъ хорошихъ сторонъ, и благодарилъ за нихъ Бога. (Прим. А. П. Созоновичъ).

13 января 1861 г.

„Вот и Новый годъ наступилъ, любезный другъ Матвѣй Ивановичъ!

„Обнимемъ другъ друга съ старой дружбой и пожелаемъ новому поколѣнію того счастья, котораго мы желали себѣ, т.-е. осуществленія въ полной мѣрѣ того, что нынѣ будетъ положено въ основаніе нашей будущей гражданской жизни. Между тѣмъ сколько еще вопросовъ хозяйственныхъ, въ высшей степени существенныхъ для общественнаго благоденствія, наводятъ на мрачныя мысли о будущемъ! Напримѣръ, ежегодно здѣсь и по всей Россіи отъ чумы погибаютъ десятки тысячъ рогатаго скота, необходимаго для удобренія оскудѣвшей почвы и составляющаго неоцѣненную помощь въ скудной крестьянской пищѣ. При этомъ оставшіяся скоты уменьшаются и въ числѣ, и въ количествѣ (?). Далѣе, разсмотри общественное здравіе—и ты увидишь цѣлыя деревни, пораженныя сифилисомъ, вошедшимъ въ плоть и кровь цѣлаго населенія. Эта язва развивалась отъ квартированія войскъ и отъ многихъ другихъ причинъ. Сколько подобныхъ общественныхъ недуговъ, на которыхъ общество смотритъ съ тупымъ равнодушіемъ; и если чей-нибудь голосъ раздастся въ пользу мѣръ, которыя оно могло бы предпринять для предупрежденія зла, то этотъ голосъ раздастся въ пустынѣ, никто не сочувствуетъ ему.

„Итакъ пожелаемъ, чтобъ нынѣшній годъ былъ счастливѣе прежняго и принесъ бы плодъ, дѣятельно полезный на пользу общую и частную. Между тѣмъ голосъ свободы земли русской скоро раздастся на всю ея ширину и долготу, и этотъ сладкій звукъ на время заставитъ замолкнуть голосъ страдательный многихъ и многихъ.

„Много ранъ нужно уврачевать, много зла укоренившася вѣками должно съ корнемъ вырвать! И все

„это сдѣлается не безъ боли, не безъ сопротивленія со стороны тѣхъ, которые будутъ предметомъ лѣченія. И все негодованіе, и всю невзгоду припишутъ гласу свободы. Много найдется людей, которые будутъ укорять ее и взваливать на нее всѣ бѣдствія, даже физическія, въ которыхъ она не могла быть виновата.

Итакъ, другъ Матвій Ивановичъ, будемъ ждать того вождельннаго дня, когда будетъ возвышена свобода земли русской. Но не будемъ льстить себя надеждой, что вѣками накопленное зло при имени свободы рассыпалось (бы), какъ прахъ отъ вѣтра. И то хорошо, если этотъ звукъ выведетъ насъ изъ апатіи и жизненнымъ силамъ дать пищу и дѣятельность. Теперь больше, нежели когда-нибудь нужны дѣятели добросовѣстные. Будемъ молиться, чтобъ Господь воздвигъ ихъ и одушевилъ ревностью къ общей пользѣ“.

10 мая 1861 г.

„Новаго у насъ нѣтъ ничего рѣзкаго-замѣчательнаго. Свобода идетъ своимъ порядкомъ и безпорядкомъ—старое не хочетъ умереть, а новое еще не окрѣпло и не можетъ еще пересилить старое. Это время переходное, которое окончательно устроится только въ то время, когда обѣ стороны, нынѣ разьединенныя, найдутъ полезнымъ тѣснѣйшее единеніе и поведутъ жизнь дружно рука съ рукой. Но до того времени много еще будетъ столкновений неизбежныхъ при безграмотности одной стороны и отчасти притязательности другой. § Однимъ словомъ, образованная сторона не можетъ еще признать равноправности другой, другая же, принявъ принципы свободы въ буквальномъ смыслѣ, не признаетъ надъ собой никакихъ правъ и никакихъ обязанностей.

„Свобода доселѣ находилась только въ буквѣ закона, но не вступила въ права жизни; но постепенно

„этотъ младенецъ выростетъ, окрѣпнетъ и будетъ „мужемъ“.

20 мая 1861 г.

„Что тебѣ сказать о нашей губерніи, о способѣ коимъ водворяется у насъ свобода: нашъ губернаторъ (В. А. Арцимовичъ) честный и благомыслящій человѣкъ, который гуманно смотритъ на исполненіе царской воли. Доселѣ только въ одномъ случаѣ употреблены принудительныя мѣры для принужденія крестьянъ къ повиновенію закону; въ остальныхъ случаяхъ словеснаго убѣжденія было достаточно для водворенія порядка. Нельзя не сочувствовать этому образу дѣйствій. Но нельзя и не сказать при этомъ, что вообще положеніе помѣщиковъ вполнѣ страдательное: они не имѣютъ защиты въ своихъ правахъ. Обнародованное урочное положеніе есть мифъ. Оно никѣмъ не исполняется потому, что нѣтъ возможности или, лучше сказать, нѣтъ законной силы, которая бы заставила исполнить эту обязанность, кромѣ доброй воли самихъ крестьянъ.

„Впрочемъ, нынѣ время переходное, въ которомъ обѣ стороны воспитываются въ пользованіи своими законными правами и въ исполненіи своихъ законныхъ обязанностей; когда опытъ научитъ тѣхъ и другихъ, а жизнь вступитъ въ свои права, оба сословія увидятъ необходимость во взаимномъ сближеніи, и тогда все устроится само собой, безъ насилія и безъ чуждаго вмѣшательства. Но доселѣ у насъ царствуетъ бюрократія, т. е. центральная власть заступила мѣсто власти отдѣльныхъ помѣщиковъ и, отстраняя ихъ, слѣдалась полнымъ судьей и распорядителемъ всего населенія и отчасти всего достоянія помѣщиковъ, которые должны довольствоваться тѣмъ, что имъ дадутъ на милость, но не по праву собственности. Если это

„По буквѣ закона свобода водворена; но она не въ жизни, она едва видна на бумагѣ, откуда ее хотя не вычеркнуть, но исказить ея смыслъ“.

„Вотъ тебѣ все, что высказалось теперь. Можетъ быть, я увлекаюсь сочувствіемъ сторонѣ, повидимому, нынѣ обидимой и угнетенной, но сочувствую не какъ угнетатель, а какъ сторонній наблюдатель, которому дорого будущее, намъ предстоящее.“

*У насъ чистая демократія не мыслима безъ чистаго деспотизма. Вотъ мысль, которая заставляетъ меня сожалѣть и сочувствовать тому классу, который со временемъ составитъ нашъ средній классъ, то посредствующее звено, которое должно быть разумнымъ представителемъ классовъ земледѣльческаго и землевладѣльческаго и собою должно представить твердую опорную точку для будущаго гражданскаго устройства того громаднаго общества, которое нынѣ облечено названіемъ великой въ будущности нашей ма-тушки Россіи, самобытно и стройно выплывающей нынѣ изъ окружающаго ее мрака невѣжества и рабства—въ среду свѣтлую свободы и свѣта. Да не затемнится нынѣ заря ея новой жизни чуждыми ея духу элементами, вносящими въ ея жизнь начала смертоносныя; да не заразится она ими—сѣменами вражды и антагонизма, но да отвергнетъ ихъ,—и въ союзѣ мира и любви да восторжествуетъ надъ всѣмъ тѣмъ, что чуждо духу православному!“

15 ноября 1861 г.

„Я былъ почти два мѣсяца въ отлучкѣ изъ нашей славной Калуги. Мое дѣло было составить уставную грамоту и привести нашъ православный народъ къ миролюбивому соглашенію въ отношеніи земли, которую мы должны полюбовно раздѣлить между собой. Пока мы только бесѣдовали съ нашими тульскими мужичками и дѣлили наше добро, т.-е. ходили въ поле

„съ цѣлью, мѣряли и измѣряли,—мы были во всемъ „согласны,—никакого спора не предвидѣлось,—даже „согласіе полное сохранилось и при чтеніи черновой „уставной грамоты. Но когда ту же грамоту переписали, и должно было утвердить своею подписью—православные наши рѣшили не подписывать. Словомъ, я „былъ въ сладкой надеждѣ на благодарность за многія „уступки, за полный надѣлъ и за добродушное, миролюбивое и полное уваженія обращеніе съ гражданами „самостоятельными—и вполнѣ былъ разочарованъ. Они „еще дѣти—и дѣти капризные—съ небольшимъ урокомъ¹⁾, по сибирскому выраженію.

„Возвратясь домой я, нашелъ наше общество въ полномъ разладѣ. И здѣсь повторяется то же явленіе, но „въ другомъ видѣ: на словахъ все согласны, что свобода весьма прекрасная идея, но когда нужно примѣнить ее къ жизни, то одна сторона—правительствующая даетъ ей смыслъ безусловной покорности къ „своей мудрости и толкованію, а другая находитъ, что „свобода въ примѣненіи къ жизни лишаетъ ее того „вещественнаго и нравственнаго капитала, безъ котораго слово свобода улетучиваетъ ее существованіе.

„Но гдѣ найти средину между этихъ двухъ направленій! Обѣ стороны найдутъ ее, когда почва будетъ „удобрена юридическими началами суда и правды, которые только что изготовляются въ петербургской лабораторіи: если это будетъ не искусственное удобреніе, не приспособленное къ нашей почвѣ, но такое, которое способно возбудить наши жизненные силы, то „почва наша измѣнится и будетъ готова принять и вырастить благія сѣмена свободы, брошенныя въ нее „нынѣ, но еще не пустившія корни.

„Вотъ тебѣ приблизительно вѣрная картина того, „что здѣсь у насъ происходитъ:

1) Капризомъ.

„Сенаторъ нашъ олицетворяетъ собою идею суда и правды, которая должна стать въ средину двухъ сторонъ. Его личность въ этомъ отношеніи безукоризненна. Но эта личность есть временное явленіе, созданное для временнаго пребыванія; она не можетъ замѣнить собою учрежденія вѣковыя, которыя измѣняютъ весь основной бытъ народа. Итакъ, до того блаженнаго времени, когда у насъ эти учрежденія осуществятся, мы будемъ находиться въ состояніи переходномъ, колеблющемся—и долго, долго волненіе, въ которомъ нынѣ мы находимся, не утихнетъ и не дастъ надежнаго и благополучнаго хода кораблю свободы, который нынѣ съ трудомъ пролагаетъ себѣ путь.

„Много грустнаго, много шемичаго сердце происходитъ и внѣ нашего города. Событія московскія и петербургскія¹⁾ не могутъ не возбуждать грустнаго сочувствія и навести на грустныя думы. И на западѣ трескъ и грохотъ отъ фальшъ-фейерверговъ, которыми забавляются наши польскіе либералы. Но когда подумаешь, что за этой декорашей можетъ изготавляться нѣчто болѣе существенное, то мысль о будущемъ страшитъ. Какъ и чѣмъ разрѣшится готовящаяся буря или, лучше сказать, что выйдетъ изъ всеобщаго броженія? Дай Богъ только, чтобъ вышло нѣчто цѣлое, полное,—какъ возрожденная Италія.

„Но,—и многократно придется сказать это много значущее но,—когда оно примѣнимо къ такимъ разнообразнымъ стихіямъ, изъ коихъ сплочены нынѣ многіе народы подъ названіемъ общимъ: Австрія, Германія и т. п. Но пусть будущее совершится. Высшій Промыселъ зиждетъ царства и народы. Подъ его Всесильной Десницей и малое дѣлается великимъ, а великое дѣлается славнымъ.

„Не знаю, что будетъ впередъ съ нашимъ земледѣліемъ; но въ первые годы не думаю, чтобъ наша

¹⁾ Безпорядки въ университетахъ.

„производительность достигла $\frac{2}{3}$ того количества, которое мы получали въ старые былые годы. Страхъ „береть, когда подумаешь, что можетъ случиться неу- „рожай, и тогда что съ нами будетъ: магазины наши „пусты, запасовъ нѣтъ, $\frac{1}{3}$ полей совсѣмъ не засѣяны, „а остальные обработаны безъ старанья! Можно ли „ожидать добрыхъ всходовъ? Одинъ Господь можетъ „помочь нашему горю; когда Онъ пошлетъ дождь ран- „ний и поздний, тогда все поправится, и мы вздохнемъ „свободно.

„Не знаю, что готовится въ Москвѣ, на выборахъ. „Но много говорятъ о разныхъ проектахъ; какого они „рода,—еще покрыто мракомъ неизвѣстности; но, вѣ- „роятно, безвыходное положеніе землевладѣльцевъ за- „ставитъ придумать мѣры для возстановленія своего „хозяйства. Вотъ все, что мы доселѣ знаемъ. Вѣрно, „въ Твери знаютъ болѣе и подробности.

„Въ Тулѣ также готовятся поговорить, пошумѣть и, „можетъ быть, прочесть что нибудь дѣльное.

„Странно, а между тѣмъ у насъ на Руси самыя ли- „беральныя учрежденія принимаютъ характеръ прави- „тельствственный, т. е. чиновный.

„Наши посредники, что можетъ быть лучше этого „учрежденья? Но и они приняли характеръ чиновни- „ческий. Они сознаютъ въ себѣ власть и эту власть „являютъ во всей силѣ тамъ, гдѣ можетъ быть тѣнь „оппозицій. Не говорю, что ихъ дѣйствія были вредны; „но они не составляютъ того мирового начала, кото- „рымъ такъ справедливо гордится Англія, которая со- „вершенно независима и самостоятельна. У насъ по- „средники постепенно обращаются въ чиновниковъ, а „губернскіе въ автократовъ въ маленькомъ видѣ.

12 января 1862 г.

„Сегодня годовщина Московскаго университета, и „устраивается обѣдъ, на который я получилъ пригла-

„шеніе, но отказался по случаю различныхъ манифестаций, имѣющихъ неприятыя послѣдствія, которыхъ я былъ свидѣтелемъ въ прошломъ году по случаю подобнаго праздника; вѣроятно, въ нынѣшнемъ году это не повторится. Но вообще я полагаю, что мнѣ приличнѣе оставаться въ сторонѣ отъ всякихъ публичныхъ манифестаций, ничего не выражающихъ, кромѣ фразъ, иногда громкихъ и хорошо звучащихъ, но исчезающихъ въ воздухѣ подобно гулу колокола или, лучше сказать, звону почтового колокольчика. Послѣ перваго, по крайней мѣрѣ, начинается служба и нѣчто серьезное, а послѣднее исчезаетъ безъ слѣда.

„Итакъ, минуло 1000 лѣтъ нашего существованія, какъ отдѣльнаго русскаго племени, и невольно возносится благодарственная молитва къ Высшему Промыслителю о насъ. Онъ провелъ насъ черезъ горнило тяжкихъ испытаній и не попустилъ насъ разъединиться, но укрѣпилъ насъ въ родовомъ нашемъ бытѣ, не далъ насъ подъ власть никакого чужеземнаго владычества и сохранилъ цѣлость нашей вѣры, чуждой всякаго посторонняго вліянія. Вопреки сердечной боли при видѣ нашей гражданской неурядицы, я думаю и вѣрю, что зло излѣчимо и исправимо. Видимо растетъ у насъ общественная нравственность: что почиталось почти законнымъ года два-три тому назадъ, то считается нынѣ незаконнымъ. Мысль о правдѣ и судѣ видимо осуществляется мировыми нашими учрежденіями и волостными самоуправленіями. Хотя дворянское сословіе находится нынѣ въ какомъ-то неопредѣленномъ раздражительномъ состояніи, но и оно постепенно приходитъ къ сознанию своего политическаго положенія и заявляетъ нѣкоторыя разумныя желанія, которыя современемъ могутъ принести хорошіе плоды.

„Итакъ, другъ Матвѣй Ивановичъ, мы можемъ встрѣтить новый 1862 г. съ надеждою на лучшее. Дай Богъ только, чтобъ разумныя начала получили болѣе и

„болѣ развитія и обуздывали страсти, которыя при малѣйшей возможности готовы вспыхнуть и изъ брошенной искры составить пожаръ. Хотѣлось бы на закатѣ дней видѣть нашу Русь святую окрѣпшею на началахъ гражданской свободы и нравственно, разумно идущею по пути политической самостоятельности, не по подражанію иноземному, но своеобразнымъ, намъ свойственнымъ развитіемъ, которое будетъ указано тѣми самостоятельными стихіями, которыя будутъ приготовлены и выступать на первый планъ.

28 января 1862 г.

„Ты напрасно думаешь, что мы, калужане, пользуемся особеннымъ вниманіемъ. Петръ Николаевичъ, какъ членъ присутствія, не можетъ не обращать на себя общаго вниманія. Гаврило Степановичъ Батенковъ пользуется сочувствіемъ по личному его характеру, уму чисто русскому и несомнѣннымъ достоинствамъ. Но твой покорный слуга стоитъ наравнѣ со всѣми, переживавшими много горя, но не заявлявшими себя ничѣмъ, ни какой-либо полезной дѣятельностью, черезъ которую личность получаетъ характеръ общественнаго. Меня знаютъ въ Калугѣ такъ же точно, какъ тебя въ Твери, гдѣ каждый извозчикъ привезетъ прямо въ домъ Бутягина. Здѣсь тоже привезутъ за Каменный мостъ.

„Вообще надобно сказать, другъ Матвѣй Ивановичъ, мы представляемъ знамя, и оно служить только для того, чтобъ не выразить словомъ того, что на душѣ у каждаго лежитъ, но не заявляется гласно. Но и тутъ надобно сказать, что молодое поколѣніе опередило насъ, и должно опередить. Но въ нынѣшнее переходное время всѣ стихіи будущаго находятся въ хаотическомъ состояніи и, какъ въ мірозданіи, отдѣляются другъ отъ друга, чтобъ занять опредѣленные имъ

„мѣста, когда свѣтъ истины проникнетъ чрезъ всѣ
 „ихъ слои и освѣтитъ всѣ ихъ темныя стороны, ко-
 „торая тогда примутъ тотъ характеръ истины, кото-
 „рый имъ доселѣ недостааетъ.

„Такъ, милый другъ, и стремленіе дворянства полу-
 „чаетъ самостоятельное значеніе въ нынѣшнемъ видѣ
 „предъявленія сословныхъ правъ. Права неоспоримы, —
 „стремленіе дворянства составить отдѣльное сомкнутое
 „сословіе, въ родѣ венеціанской аристократіи, невы-
 „слимо; вотъ тутъ темная сторона ихъ предъявленій,
 „которая должна наконецъ исчезнуть при свѣтѣ истины;
 „оно покажетъ имъ несостоятельность ихъ притязаній
 „и укажетъ на тѣ границы, за которыя имъ не позво-
 „лено будетъ перейти, и въ предѣлахъ которыхъ ихъ
 „историческое право существованія сохранится для ихъ
 „блага собственнаго и для блага общаго. Съ другой
 „стороны, если обратить вниманіе на крайнюю демо-
 „кратическую партію, которая стремится къ общему
 „уровню, то найдемъ ея крайнее выраженіе въ социа-
 „лизмѣ. Однимъ словомъ, у насъ въ ходу всѣ воз-
 „можныя крайности, но разумной середины еще нѣтъ
 „или она не высказалась.

18 февраля 1862 г.

„Что скажу тебѣ о вашихъ тверскихъ посредникахъ
 „и вообще о той роли, которую этотъ институтъ игра-
 „етъ въ нашемъ гражданскомъ обществѣ? Они состав-
 „ляютъ нашу передовую фалангу, которая ратуетъ
 „противъ цѣлаго сонма дворянства и, крѣпкая юными
 „силами, побиваетъ своихъ противниковъ, для кото-
 „рыхъ отступленіе невозможно. Мы свидѣтели этой
 „борьбы. Она продлится еще нѣкоторое время, пока
 „уставныя грамоты не будутъ введены въ дѣйстви-
 „тельную жизнь, и новыя права не войдутъ въ плоть и
 „кровь народную. Тогда и фаланга сойдетъ со сцены,
 „а дворянство примкнетъ къ крестьянству. Между ними

„стоять институтъ посредниковъ — тогда этой среды
„не будетъ, и два сословія увидятъ, что лучше имъ
„соединиться, и что даже худой миръ лучше доброй
„брани. Когда это совершится, тогда настанетъ время
„примиренія всей земли русской, и сила ея утроится,
„какъ въ матеріальномъ, такъ и въ нравственномъ
„отношеніи.

„Но довольно о мировыхъ посредникахъ. Много меж-
„ду ними прекрасныхъ личностей, которыя готовятъ
„себя для лучшей будущей дѣятельности. И дай Богъ,
„чтобъ они осуществили тѣ надежды, которыя внуша-
„ютъ.

„Но вообще, любезный другъ, нельзя не радоваться
„новому пути, проложенному нашимъ славнымъ импе-
„раторомъ Александромъ II-мъ, нельзя не сочувство-
„вать вполне создаваемому имъ благу, которое должно
„оживить цѣлые милліоны мыслящихъ существъ. Нель-
„зя не видѣть тѣхъ усилій, которыми постепенно устраи-
„ваются все отрасли управленія, чтобъ стать въ уро-
„вень новымъ потребностямъ и новымъ идеямъ. Бла-
„годаря Бога, мы переживаемъ чудную эпоху возрож-
„денія къ гражданской жизни не только тѣхъ, которые
„доселѣ не пользовались правами, но и насъ всѣхъ, ко-
„торые не только пользовались, но и злоупотребляли
„ими. Въ какой формѣ выльется наше новое граждан-
„ское устройство, еще неизвѣстно; но вѣрю, что фор-
„ма тогда только будетъ благотворна, когда она будетъ
„самобытна.

28 февраля 1862 г.

„Хорошо, что ты въ Москвѣ, и что событія тверскія
„не коснулись тебя. А между тѣмъ событія грустныя,
„которыя заставляютъ задуматься и искать причины
„ненормальнаго явленія. Я слышалъ отзывъ о нѣкото-
„рыхъ личностяхъ, которыя нынѣ находятся подъ су-
„домъ, и не могу не пожалѣть о томъ, что ихъ по-
„стигла такая участь.

другъ Матвѣй Ивановичъ, и сердечно бы желать, чтобъ такъ смотрѣли тѣ, которые будутъ ихъ судить».

25 марта 1862 г.

„Пишу тебѣ, любезный другъ Матвѣй Ивановичъ, на старое твое пепелище—Тверь, издревлензвѣстную по своему соперничеству съ Москвой, а нынѣ заявившую также нѣчто самостоятельное, но непонятное. Надеюсь, что ты мнѣ разъяснишь загадочное заявленіе мировыхъ посредниковъ. Никто не мѣшалъ имъ выходить въ отставку и дѣйствовать, какъ частнымъ лицамъ, по собственному усмотрѣнію. Однимъ словомъ, нынѣ время историческое, и Тверь не будетъ забыта въ этомъ общемъ движеніи умственномъ, которое проявляется нормально и ненормально. Пусть оно будетъ даже не нормально. Но и то хорошо, что люди пробудились отъ сна, и жизнь начинаетъ проявляться».

13 мая 1862 г.

„Какъ давно, любезный другъ Матвѣй Ивановичъ, нѣтъ отъ тебя дружескаго листка! Вѣрю, что твое здоровье, благодаря гомеопатіи, возстановилось, а потому никакихъ причинъ не могу придумать твоему молчанію, исключая отсутствія изъ Твери и поѣздки въ дальнюю губернію для уставной грамоты, которая въ настоящее время составляетъ *conditio sine qua non* нашей будущности. И мнѣ, можетъ быть, придется съѣздить въ Тульскую губернію для личнаго присутствія при повѣркѣ уставной грамоты, поданной еще въ прошломъ году.

„Не знаю почему, но при взглядѣ на будущность, поневолѣ вздохнешь и задумаешься: заняться агрономіей, дѣломъ для меня незнакомымъ, и начать это дѣло въ мои лѣта въ высшей степени стѣснительно, и при семейныхъ обязанностяхъ въ отношеніи воспитанія

„двухъ моихъ гимназистовъ, выходящихъ изъ отроче-
 „скихъ лѣтъ и требующихъ бдительнаго нравственна-
 „го надзора, почти невозможно. А между тѣмъ земля
 „требуетъ хозяина бдительнаго, трудолюбиваго, кото-
 „рый бы съ любовью занялся ея воздѣлываніемъ и,
 „доставляя ей нужное питаніе, доставилъ бы ей воз-
 „можность вознаграждать за труды и издержки.

„Но какъ согласить исполненіе нравственныхъ семей-
 „ныхъ обязанностей съ исполненіемъ столь же важ-
 „ныхъ матеріальныхъ обязанностей, которыя также
 „важны для обезпеченія необходимаго существованія?

„Рѣши эту дилемму, любезный другъ, и ты меня обя-
 „жешь въ высшей степени.

„Что сказать тебѣ новаго изъ нашей Калуги, полу-
 „чившей громкую извѣстность по ходу крестьянскаго
 „дѣла, по разладу между администраціей и нашимъ мѣ-
 „стнымъ дворянствомъ? Администрація продолжаетъ
 „свое дѣло съ твердостью и успѣхомъ реформы въ
 „отношеніи порядка и, въ особенности, въ отношеніи
 „составленія грамотъ оправдываетъ свои дѣйствія.

„Оппозиція постепенно утихаетъ и заявляется только
 „въ нѣкоторыхъ глухихъ мѣстностяхъ, откуда эхо не
 „доносить ее до насъ.

„Итакъ, у насъ спокойно. Много новаго ожидаемъ
 „отъ нынѣшняго года—и много начать лучшей будущ-
 „ности готовится въ высшихъ правительствен-
 „ныхъ сферахъ. Все это отрадно, любезный другъ, но
 „думаю, что это будетъ заодно съ акклиматизаціей
 „чуждыхъ намъ растений и животныхъ. Но общество
 „акклиматизаціи сначала дѣлаетъ опыты, а когда уви-
 „дѣть, что опытъ удаченъ, тогда предлагаетъ обществу
 „ввести растение въ общее употребленіе.

„Что будетъ съ опытами гражданскаго устройства,—
 „еще не испытано; но идея лучшаго будетъ внесена и
 „она постепенно разовьется, а плодами будутъ пользо-
 „ваться наши дѣти и внуки“.

15 июля 1862 г.

„Давно и очень давно я не бесѣдовалъ съ тобой, любезный другъ Матвѣй Ивановичъ; причина понятная и не понятная—я былъ вызванъ въ деревню, въ Тульскую губернію, по нашимъ крестьянскимъ дѣламъ, и пробылъ тамъ цѣлый мѣсяцъ. Все это время скучныя пренія съ нашими крестьянами, касающіяся личныхъ интересовъ, отнимали всякую охоту къ свободному слову: то прогулка въ поле съ цѣпью и шестами, то бесѣда на сходкахъ, то различныя хлопоты, въ хозяйственномъ отношеніи, то мысль устроить собственное вольнонаемное хозяйство, то различныя препятствія и затрудненія въ исполненіи положили предѣлъ благимъ мечтамъ. Въ это время видимаго досуга было довольно, но настоящаго досуга не было. Я былъ поставленъ въ безвыходное положеніе человека, котораго окружили со всѣхъ сторонъ и говорятъ ему: выходи, ты никѣмъ не связанъ, а между тѣмъ, съ каждымъ шагомъ впередъ тѣснѣе сжимался кругъ и труднѣе было пробиваться черезъ поставленныя преграды. Такимъ образомъ, я былъ вынужденъ сдѣлать невыгодную сдѣлку съ крестьянами и разстался съ ними. Здѣсь отдохнулъ я отъ тревоги душевной и опять принялся за свои обычныя занятія. Трудно думать о хозяйственномъ новомъ занятіи, которому должно начать учиться въ 66-ть лѣтъ.

„Сколько разъ мы дѣлали съ покойнымъ Иваномъ Дмитриевичемъ (Якушкинымъ) предположеніе объ устройствѣ образцовой фермы подъ Ялуторовскомъ, съ правильными сѣвооборотами, съ плутомъ по новому устройству, съ удобреніемъ и прочими улучшеніями—и всѣ наши планы оставались мечтой по недостатку необходимаго, т. е. первоначальнаго и оборотнаго капитала. Безъ этого орудія все остальное будетъ пустой мечтой. Итакъ, оставимъ мечты и скажемъ имъ прости.

„Бывшіе петербургскіе пожары не принадлежать къ мечтамъ. Они страшно всполошили всѣхъ и своимъ заревомъ освѣтили всю Россію, освѣтивъ темныя стороны ея внутренней, сокровенной жизни. Они помогли намъ всмотрѣться ближе въ плоды того матеріализма, который давно уже проповѣдуется съ кафедры нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній и заражаетъ нашу юную учащуюся молодежь. Плоды этого ученія — разрушеніе, плоды вѣры христіанской — созиданіе. Одно обращаетъ все въ ничтожество, другое возводитъ все на степень вѣчнаго бытія, вѣчной жизни. Первое невозможно и недостижимо потому, что въ природѣ нѣтъ нигдѣ полнаго уничтоженія. Второе не только возможно, но и необходимо, какъ необходимо и неопровержимо отношеніе или связь явленія съ причиною, относительнаго къ самобытному, несовершеннаго къ совершенному, творенія къ Творящему, временнаго къ вѣчному.

„Одно что утѣшаетъ при видѣ этого печальнаго направленія, это непреложная аксіома, что все неразумное никогда и нигдѣ утвердиться не можетъ, но исчезнетъ при свѣтѣ разума, который обличитъ неразумное явленіе и обратитъ его въ ту, тьму откуда оно проявилось“.

29 іюля 1862 г.

„Ты сомнѣваешься въ причинахъ поджоговъ. Но развѣ ты не прочелъ въ газетахъ о поджигательствѣ въ г. Лугѣ уѣзднаго училища однимъ изъ учителей? Теперь въ Тулѣ уже нѣсколько пожаровъ свидѣлствуютъ также о поджогахъ. Есть факты, которые несомнѣнно объ этомъ свидѣлствуютъ. Вотъ одинъ изъ нихъ: хозяйка одного дома, вставъ поутру, и смотря въ окошко, увидѣла подъ однимъ изъ оконъ землю протоптанную; она послала дѣвушку посмот-

„рѣтъ, какіе тутъ слѣды. Дѣвушка пошла, и видитъ,
„что земля дымится,—разрыла землю и нашла нѣсколь-
„ко коробокъ спичекъ и паклю, загорѣвшуюся.

„Какая причина поджоговъ? Кто знаетъ! Но всѣмъ
„извѣстно, что прокламаціи самаго революціоннаго
„характера стараются разсѣвать въ народѣ. Не-
„ужели и эти воззванія составляютъ невинную игру?
„Неужели нѣтъ связи между огнемъ, вещественнымъ,
„который истребляетъ собственность, и огнемъ рево-
„люціоннымъ, коимъ стараются поджечь основанія граж-
„данскаго быта?

✓ „Но ты, который живешь въ Твери, на самомъ жар-
„комъ коммуникаціонномъ пунктѣ, какъ же тебѣ не
„чувствовать этого броженія, какъ не ощущать его?
„Но довольно. Ты, я вижу, при чтеніи этихъ строчекъ
„задумался и началъ перебирать собственныя ощущенія
„и, вѣроятно, нашелъ, что, дѣйствительно, ты находился ✓
„въ заблужденіи.

„Итакъ приступаю къ другой сторонѣ жизни, болѣе
„свѣтлой. Что же радостнаго, свѣтлаго сообщить тебѣ,
„старому и искреннему другу? Это радость семейная:
„дѣти растутъ, дочка хороша и мила, въ душѣ миръ
„и тишина. Еще мѣсяць-другой и жду еще кого-ни-
„будь, кого Господь пошлетъ для большей полноты
„семейнаго счастья.

„А твои дѣвицы, развѣ онѣ не доставляютъ тебѣ
„семейной радости? Ты ихъ усвоилъ себѣ своею лю-
„бовью. И эта чистая любовь получить полное воз-
„мездіе. Благословеніе свыше есть основаніе, на кото-
„ромъ одномъ зиждется радость вѣчная*.

26 августа 1862 г.

„Спасибо тебѣ, другъ Матвѣй Ивановичъ, и сто-
„кратно спасибо за то, что на дружескій отголосокъ

„ты отвѣчаешь тѣмъ-же и не заставляешь долго томиться въ ожиданіи отъ тебя вѣсточки.

„Сегодня день, великій для насъ всѣхъ, сегодня мы „получили права гражданскія и возвращены на родину. „Это отрадное воспоминаніе сливается съ манифестомъ „19 февраля—и рядъ свѣтлыхъ годовъ рисуется впереди, какъ отрадныя лучи того солнца правды и свободы, которые нынѣ свѣтятъ намъ и будутъ постоянно „освѣщать жизненный путь нашей тысячелѣтней Россіи.

„Сегодня же я написалъ сердечный привѣтъ Натальѣ „Дмитріевнѣ Фонъ-Визингъ, которой имя совпадаетъ съ „этимъ славнымъ днемъ.

„Ты вспомнишь также и день Бородинской славной „битвы. И все это радостно отзовется въ твоей душѣ „и вознесетъ ее молитвеннымъ славословіемъ къ „Подателю всѣхъ благъ и Хранителю всѣхъ нашихъ лучшихъ „стремленій и желаній. Въ Его рукахъ они примутъ лучшее и совершеннѣйшее исполненіе, Ему вѣрять ихъ. Они осуществятся, и мы или дѣти наши „увидятъ плоды ихъ.

„Наконецъ, въ газетахъ явилось извѣстіе о вашихъ „мировыхъ посредникахъ и заставило всѣхъ порадоваться за нихъ. И ихъ заявленія были ненормальны „потому, что новый порядокъ вдругъ не можетъ проявить всю свою силу и всю свою законность. Но будемъ надѣяться на лучшее будущее: тогда и настоящее покажется свѣтлѣе, нежели какимъ оно кажется „нынѣ“.

31 октября 1862 г.

„Я радовался составленію комитетовъ, радовался ихъ „трудамъ, радовался жизненной дѣятельности, проникавшей всюду, оживленной рѣчи, слышанной всюду. „Но настала реформа, она осуществилась, радостный „день 19 февраля прошелъ — и все измѣнилось: апатія „постепенно заступила мѣсто борьбы, и теперь она,

«какъ будто, воцарилась и безмолвно царствуетъ надъ обществомъ».

«Неужели судебной реформѣ предстоитъ та же участь? Неужели насъ занимала реформа, какъ новая игрушка, брошенная на забаву; и которая стала противна потому, что дорого обошлась? Неужели и при гласности суда никто не будетъ проникнуть желаніемъ личнымъ присутствіемъ заявить свое гражданское сочувствіе къ ближнему, котораго вся будущность будетъ стоять на вѣсахъ суда? Неужели это великое дѣло займетъ у насъ только нѣсколько дней или недѣль, пока оно будетъ еще ново?»

«Давно ли мы возвратились, а сколько явленій общественной жизни отжило свой короткій вѣкъ? Гдѣ воскресныя школы, о которыхъ была такая громкая рѣчь во всѣхъ устахъ? А едва ли осталось воспоминаніе объ этомъ эфемерномъ явленіи. Теперь у насъ въ ходу устройство волостей, на нихъ обращено особенное вниманіе всѣхъ начальственныхъ властей. Устройство ихъ хорошо, и старшины вообще хорошо выбраны. Но боюсь, что и это учрежденіе упадетъ въ рутинное производство, и тотъ же старшина окажется несостоятельнымъ для полного осуществленія благихъ началъ».

«Одигъ въ полѣ не воинъ, говоритъ наша русская пословица. Такъ и тутъ при дружномъ содѣйствіи всего общества и несовершенное усовершенствуется, а хорошее будетъ поддержано—и все будетъ задно».

«Петръ Николаевичъ (Свистуновъ) благополучно совершаетъ свой служебный путь по губернскому присутствію. Недавно онъ ѣздилъ по уѣздамъ для ревизіи мировыхъ учреждений. Его присутствіе внушало страхъ, его рѣчь возбуждала восторгъ. Ты мнѣ простишь эту шутку. Но, по правдѣ сказать, эта ревизія членомъ присутствія не была по вкусу мировыхъ властей, которая находили ее чѣмъ-то въ родѣ пятого

„колеса въ каретѣ. Это весьма естественно, потому что „мировыя учрежденія должны дѣйствовать самостоя- „тельно и внушать собою довѣріе въ народѣ. Контроль „надъ ними опредѣленъ закономъ. Но личный контроль „и ревизія подводитъ ихъ въ уровень земскихъ учре- „жденій, полицейскихъ. Но пусть все идетъ по пути „ему указанному—современемъ все уладится“.

15 ноября 1862 г.

„Благодарю за сообщеніе рѣчи, сказанной графу „Павлу Трофимовичу Баранову (губернатору) при про- „щаніи.* Хотя официальные рѣчи теперь въ молѣ и мало „что доказываютъ, но при всемъ томъ онѣ составляютъ „нѣчто среднее между полной истиной и истиной офици- „альной. Отраднѣе то, что начинаютъ у насъ говорить.

„Вообще надо отдать справедливость тверитянамъ, „что они стоятъ впереди; многія личности тамъ замѣ- „чательны; но мнѣ кажется, что они не уяснили себѣ „вполнѣ настоящее значеніе дворянства въ нынѣшней „реформѣ и будущность, которая предстоить сословію, „которое нынѣ находится на первомъ планѣ умствен- „наго развитія, но которому недостаетъ той нравствен- „ной высоты, безъ которой и умственное развитіе те- „ряетъ свою цѣну. Это я отношу вообще ко всему „нашему дворянству, не отдѣляя тверитянъ отъ осталь- „ныхъ. Вообще можно и должно сказать, что крѣ- „постное право насъ деморализировало. Вѣрю, что „свобода поправитъ многое, но для этого нужно лич- „ное содѣйствіе и личное сознаніе каждаго“.

28 ноября 1862 г.

„Недавно я получилъ карточку и письмо отъ нашего „славнаго Розена, который выбранъ мировымъ посред- „никомъ харьковской губерніи, изюмскаго уѣзда. Онъ

„миротворствуетъ съ начала мировыхъ учреждений и, исполняя добросовѣстно свои обязанности, пишетъ мнѣ въ послѣднемъ своемъ письмѣ: „я особенное вниманіе обращаю на волостные суды—и мое торжество состоитъ въ томъ, когда помѣшники и крестьяне обращаются къ волостнымъ судамъ предпочтительно передъ уѣздными, что не рѣдко случается“... Это замѣчательное явленіе доказываетъ возможность правдиваго суда, основаннаго не на юридической наукѣ, а на простой сердечной правдѣ, присущей каждому доброму христіанину“.

1 января 1863 г.

„Вотъ и новый годъ наступаетъ, другъ Матвѣй Ивановичъ, и надобно другъ друга привѣтствовать, нужно сказать другъ другу доброе слово. Пусть мое слово къ тебѣ будетъ чистое желаніе, чтобъ то чувство, которое насъ соединило, все крѣпче и крѣпче насъ соединяло, пусть оно растетъ и очищается отъ всякой ложной примѣси и будетъ истинно. Много, мой другъ, мы пережили и многое переживаемъ нынѣ. Но мы люди прежняго поколѣнія; мы представители былого и не можемъ вступать въ число дѣятелей настоящаго; но останемся вѣрны прошедшему — хорошему; по милости Божіей, оно въ насъ очищено и очищается ежедневно; пусть оно явится въ свѣтѣ истины, и жизнь наша не потеряетъ своего значенія. Пусть юное поколѣніе дѣйствуетъ, но пусть оно видитъ въ насъ цѣнителей добра и всегдашнихъ противниковъ зла, въ какомъ бы обманчивомъ свѣтѣ оно ни представлялось. Въ этомъ наше призваніе.“

„Трудно бываетъ отдѣлать злое отъ добраго — они вездѣ смѣшаны. Но есть несомнѣнное мѣрило и того и другого — одно истинно — другое ложно: истина въ любви, тамъ мы ее найдемъ.“

„Ты изъ „Москов. Вѣдом.“ узнать о возвышеніи нашего губернатора и его удаленіи. Много ты, вѣроятно, передумалъ объ этой перемѣнѣ. Жаль и очень жаль, что ему не удалось довести реформу до послѣдняго ея развитія и привести въ исполненіе всѣ предстоящія реформы, какъ судебныя, такъ административныя. Но мира между имъ и цѣлымъ сословіемъ не было и не могло быть. Водворится ли миръ и при новомъ лицѣ, занявшемъ его мѣсто, еще неизвѣстно. Послѣдствія укажутъ, на чьей сторонѣ была, правда. Лично жаль съ нимъ разстаться; съ нимъ было легко жить.

„Между тѣмъ прощальные обѣды были даны. Я былъ на вечерѣ и на одномъ обѣдѣ. Вечеръ былъ по случаю сѣзда мировыхъ посредниковъ, которые желали провести съ нимъ, отъѣзжающимъ, нѣсколько дружескихъ часовъ. И по истинѣ вечеръ былъ вполне дружескій. Шампанское заиграло, и тосты провозглашались, потомъ бесѣда дружеская и, наконецъ, послѣ ужина хоръ запѣлъ русскую пѣсню. Не думай, что хоръ состоялъ изъ наемныхъ пѣвцовъ. Тѣ же посредники грянули хоровыя пѣсни. И такъ продолжалось далеко за полночь. На другой день былъ обѣдъ по подпискѣ для желающихъ, въ которомъ участвовало 150 человекъ. Тутъ были рѣчи, которыя ты прочтешь въ „Москов. Вѣдом.“, если цензура не сдѣлаетъ препятствія ихъ напечатать. И Петръ Николаевичъ сказалъ свое слово. Общее настроеніе было весьма единодушно и оживлено истиннымъ чувствомъ. Въ заключеніе граждане города давали ему особенный обѣдъ и просили министра дозволить имъ поставить портретъ его въ залѣ городской думы. Нынѣ же, т. е. 1-го января, послѣ обѣда депутація отъ купечества и мѣщанства поднесла ему адресъ съ подписью 140 человекъ.

„Все это отраднo, какъ заявленіе нѣкотораго общественнаго мнѣнія, которое въ прежнее время не за-

„являлось такъ рѣзко. Но довольно объ этомъ событїи, важномъ для Калуги, но для тебя не интересномъ.

„Теперь у насъ на очереди выборы—и тутъ выскажется многое, что затаено въ разныхъ уголкахъ нашей губерніи. Не обойдется и тутъ безъ шума и даже безъ скандала. Наши дворяне еще дики и не умѣютъ уважать мнѣній другихъ. Они желаютъ всѣхъ поставить въ одинъ уровень. Не могу не сказать, что тверское дворянство стоитъ немного впереди“.

27 января 1863 г.

„Я не отвѣчалъ еще тебѣ, другъ Матвѣй Ивановичъ на твое послѣднее письмо изъ Твери, послѣ отъѣзда твоего изъ Москвы, которое послѣдовало наканунѣ кончины нашего милаго Михаила Михайловича Нарышкина. Его смерть меня поразила неожиданностью. Еще за недѣлю до этого грустнаго событїя моя сестра Варвара Петровна сообщила мнѣ, что онъ былъ у нея и хлопоталъ о возможности опредѣлить сиротъ Давыдовыхъ въ заведеніе, которымъ она завѣдуетъ¹⁾. Это посѣщеніе на Гороховое поле давало мнѣ полное право думать о здравїи и долгоденствїи Нарышкина. Въ слѣдъ затѣмъ ты мнѣ писалъ, что воспитанница Нарышкина вышла изъ опасности и что, вѣроятно, онъ скоро возвратится въ Тулу. Въ слѣдъ за этимъ извѣстіемъ получилъ я письмо отъ Гаврилы Степановича съ уведомленіемъ о его кончинѣ. Слава Богу, что его кончина была истинно христіанская. Наталья Дмитриевна пишетъ мнѣ, что послѣднее его причащеніе св. Таинъ было такъ назидательно, что подѣйствовало на всѣхъ присутствовавшихъ. Подъ влияніемъ перваго груст-

1) Сиротское отдѣленіе Николаев. Института для малолѣтнихъ, въ которомъ Прочишева 30 лѣтъ была начальницей. Лѣто она часто проводила у сестры въ Калугѣ, что и называлъ Оболенскій полнымъ семейнымъ счастьемъ. (Прим. А. П. Солоновичъ).

наго впечатлѣнія я написалъ нѣсколько словъ въ память его и послалъ ихъ къ И. С. Аксакову, въ надеждѣ, что онъ ихъ помѣститъ въ своемъ журналѣ. Надежда исполнилась, и ты прочтешь мое слово въ 3-мъ № газеты „День“; и, вѣроятно, ты не найдешь ни одного преувеличеннаго слова въ описаніи характера Михаила Михайловича. Я не сомнѣваюсь, что и Ѳедоръ Николаевичъ (Глинка) прочтетъ ихъ съ полнымъ сочувствіемъ. Ты сообщаешь, что причиною смерти была жаба сердца. Признаюсь, я никогда не слышалъ о болѣзни такого рода; но, видно, она существуетъ и неизлѣчима. Такъ, другъ Матвій Ивановичъ, все тѣснѣе и тѣснѣе становится нашъ кругъ. Но на смѣну нашу явилось новое поколѣніе. Ему предстоитъ богатое поле дѣятельности, ничѣмъ не стѣсняемое, оно можетъ свободно дѣйствовать и располагать своими умственными и нравственными силами.

Надобно отдать справедливость Тверской губерніи и ея достойному представителю, Алексѣю Михайловичу Унковскому, что видно изъ единодушнаго согласія многочисленнаго общества. Но тутъ можно видѣть счастливую случайность; вообще же надобно сказать, что наше дворянство не въ весьма выгодномъ свѣтѣ показываетъ себя. Наши калужскіе выборы кончились и оставили грустное впечатлѣніе: людей достойныхъ отстранили, выбрали недостойныхъ, и это все дѣлалось безъ малѣйшаго стыда. Какъ же можно ожидать что нибудь лучшее при выборѣ мировыхъ судей, которые поступятъ въ исправленіе своихъ обязанностей въ концѣ нынѣшняго года? А между тѣмъ отъ нихъ будетъ отчасти зависѣть введеніе въ жизнь закона не въ буквѣ мертвой, но въ гражданской жизни.

А тутъ же и польскія дѣла, которыя также тяжело ложатся на душу. Не вѣрю ни мужеству, ни доблести

„гражданской, ни силъ характера тѣхъ, которые рѣ-
 „шаются на Варфоломеевы ночи и сожигаютъ живыхъ V
 „людей. Это звѣри — не люди. Даже въ смыслѣ поль-
 „ской народности—они позорятъ ее“.

6 февраля 1863 г.

„Письмо твое, другъ Матвѣй Ивановичъ, нѣсколько
 „меня смутило: ты говоришь, что ты нѣсколько дней
 „не сходилъ съ дивана по случаю сильнаго дѣйствія,
 „произведеннаго надъ тобой двухъ-мѣсячнымъ водолѣ-
 „ченіемъ. Для меня странно, что благотѣльные слѣд-
 „ствія водолѣченія могли тебя обречь на болѣзненный
 „одръ. Объясни ты мнѣ эту загадку. Надѣюсь, что
 „первое твое письмо дастъ мнѣ добрую вѣсть о тво-
 „емъ выздоровленіи, и что временное дѣйствіе чистой
 „воды, превратится въ постоянное здоровье, котораго
 „желаю тебѣ отъ души.

„Я тебѣ описывалъ наши проводы нашего В. А.
 „Аршмовича. Это было въ декабрѣ. И съ тѣхъ поръ
 „описаніе объѣда и всего, что было сказано на немъ
 „задушевнаго, давно было послано въ „Петерб. Газету“,
 „и не напечатано. Между тѣмъ проводы другихъ лицъ
 „въ Нижнемъ: Стремоухова и прочихъ начальствующихъ
 „были обнародованы безпріятственно. Причину
 „этого различія или отличія трудно понять.

„Грустны дѣла польскія, особенно при нынѣшнемъ
 „настроеніи многихъ и многихъ. Борьба идетъ ожесто-
 „ченная. Мы можемъ подавить возстаніе; но его эле- V
 „ментъ неуловимъ; онъ исчезнетъ тогда только, когда
 „шляхетство, которое не есть аристократія, исчезнетъ, V
 „слившись съ народомъ. Начало сдѣлано—народъ воз-
 „вышенъ на уровень гражданства; но надо ему выро-
 „сти и окрѣпнуть, чтобъ заявить о своей самоправно-
 „сти и самодѣятельности. Вообщемъ, это печальное явле-
 „ніе напоминаетъ самыя худшія времена революціи“.

2 марта 1863 г.

«Много говорят и будут говорить въ Европѣ о разстрѣляныхъ нами полякахъ, взятыхъ съ оружіемъ въ рукахъ. А между тѣмъ никто не говоритъ, что со времени присоединенія Неаполя къ Пьемонту и знаменитой побѣды Гарибальди разстрѣляно 7000 неаполитанцевъ бурбонистовъ, хотя и разбойничествовавшихъ; тѣ же разбойники явились въ Польшѣ, и по тѣмъ же законамъ самосохраненія у насъ разстрѣляны десятки, а за нихъ кричитъ вся Европа. Гдѣ же тутъ правда? Дай Богъ, чтобы наша правда въ этомъ дѣлѣ восторжествовала. Очень грустно, вообще другъ Матвѣй Ивановичъ, если однимъ взоромъ окинуть и нашу матушку Россію, то и въ ней найдется много неутѣшительнаго».

3 апрѣля 1863 г.

«Христось [Воскресе! другъ Матвѣй Ивановичъ и кумушка дорогая, Марья Константиновна, и дѣвицы красныя, Августа Павловна и Анна Матвѣевна! Всѣмъ вамъ сердечный привѣтъ отъ родной ялуторовской семьи, которая не можетъ васъ забыть, въ особенности въ настоящіе свѣтлые дни, которые мы такъ свѣтло проводили въ своемъ дружескомъ кружкѣ».

«Пишу къ тебѣ въ Тверь, другъ Матвѣй Ивановичъ въ надеждѣ, что ты возвратился бодрый и здоровый въ свое теплое тверское гнѣздышко».

«Много хотѣлъ бы съ тобой поговорить, но разныя лица приходили одинъ за другимъ и принуждали оставлять перо и держать бесѣду, — вотъ почему я принужденъ ограничиться однимъ праздничнымъ привѣтомъ съ сердечнымъ желаніемъ, чтобы Воскресенье Христово усвоилось каждымъ изъ насъ, какъ наше достояніе. Вѣрую въ Воплотившагося мы съ нимъ соединяемся и дѣлаемся причастными Его богочело-

вѣческому достоинству. Высоко наше призваніе, другъ Матвѣй Ивановичъ! Дай Богъ намъ всѣмъ явиться съ именемъ Его святымъ, напечатленномъ на всей нашей жизни; вотъ мое сердечное желаніе въ эти свѣтлые и торжественные дни.

„У насъ все обстоитъ благополучно и въ семьѣ, и въ близкихъ намъ, Петръ Николаевичъ и Гаврилъ Степановичъ — все идетъ своимъ обычнымъ порядкомъ.

„Татьяна Александровна (жена Свистунова) хвораеть понемногу и надѣется на одно водолѣченіе для окончательнаго исцѣленія. Еще недѣли двѣ — и мы разстанемся (съ Свистуновыми) надолго. Ихъ переѣздъ въ Москву окончательно насъ разъединитъ. Странно, но правду надобно молвить, что наши ялutorовскія сердечныя отношенія нигдѣ не повторяются и не повторятся. Съ тобой мы вмѣстѣ не живемъ, но я увѣренъ, что ты желаешь моей бесѣды письменной, что она тебѣ нужна, какъ нужно дружеское сердечное слово. Петръ Николаевичъ уѣдетъ — и пройдутъ мѣсяцы и годы, а отъ него не дождеши дружескаго слова, — оно ему не нужно. Но при всемъ томъ онъ человекъ очень и очень хорошій; но онъ самъ по себѣ — и я самъ по себѣ — вся тайна въ этомъ русскомъ словѣ. — Затѣмъ прекращу свою бесѣду, обнявъ тебя крѣпко. Твой старій другъ

Е. Оболенскій.

11 апрѣля 1863 г.

„Это письмо застанетъ тебя еще въ Твери, другъ мой неизмѣнный, Матвѣй Ивановичъ! Ты такъ живо передалъ мнѣ описаніе твоей болѣзни въ послѣднемъ твоёмъ письмѣ, что я почувствовалъ вполне всю тяжесть этаго несчастнаго кожного зуда, который ни днемъ, ни ночью не даетъ тебѣ покоя. Вполнѣ сочувствуя гомеопатіи, я думалъ бы однако, что, кромѣ

„безконечно малыхъ, тебѣ бы необходимо употребить еще наружное средство для возбужденія дѣйствія кожи. Миѣ кажется, что водолѣченіе совершенно приспособлено къ излѣченію такого рода болѣзней. Ты уже испыталъ благотѣльные дѣйствія этаго лѣченія, и я вѣрю, что оно окажетъ надъ тобой несомнѣнное добро.

„Съ отъѣздомъ нашего Арцимовича новымъ духомъ повѣяло на администрацію, и реакція начинаетъ водворяться и хозяйничать по своему усмотрѣнію. Не знаю, додеко ли коснется или, лучше сказать, до какаго предѣла дойдетъ; но если она коснется мировыхъ учреждений, то всему прекрасному зданію, поздвигнутому на этомъ славномъ фундаментѣ, грозитъ разрушеніе.

„Воля хороша, но она требуетъ порядка, требуетъ того умиротворяющаго начала, которое совершается въ механизмѣ часовъ маятникомъ, а въ реформѣ крестьянской совершилось и нынѣ совершается мировыми учреждениями. Посмотримъ, что будетъ далѣе. Но есть намѣреніе коснуться и мировыхъ нашихъ посредниковъ. Миѣ кажется, что благоразуміе требуетъ спасти принципъ неприкосновенности мировыхъ властей и независимость ихъ личную, кромѣ законнаго взысканія. Если петербургская власть сохранить этотъ принципъ, то благо ей, если уничтожить, то уничтожить вмѣстѣ съ тѣмъ все благо дарованной свободы.

„О польскомъ вопросѣ ты имѣешь возможность ближе и вѣрнѣе узнать все то, что дѣлается и затѣвается въ этомъ подземномъ мірѣ разныхъ крамоль, которыхъ начало и цѣль — униженіе нашей народности и желаніе отодвинуть насъ отъ запада такъ далеко, чтобъ наша сила не была имъ страшна. Но наша сила заключается не только въ обширности нашей страны, но и въ силѣ нашего единодушія, которое намъ помогло и

„въ 1812 году и нынѣ намъ поможетъ отстоять свою самостоятельность и держаться на той высотѣ, на которой мы стоимъ“.

1 мая 1863 г.

„Наши калужскія новости не интересны: съ новымъ губернаторомъ явились и новыя лица. Все это весьма обыкновенно и никого не удивляетъ.“

„Польскій вопросъ удалилъ крестьянскій на второй планъ.“

„Остальныя преобразования также не обращаютъ на себя исключительнаго вниманія; все это препятствуетъ къ преобразованію къ лучшему нашего гражданскаго общества. И всему виною поляки. Положимъ, они отстаиваютъ дорогое для каждаго отечество; но они забываютъ, что будущность ихъ была бы самостоятельнѣе, еслибъ они сердцемъ слились съ нами въ одну братскую семью. Но увы, этой мечтѣ не осуществиться.“

„Скажи, отчего же такъ дѣлается — о чемъ ни заговоришь — поляки непремѣнно подвернутся — и рѣчь до нихъ коснется по неволѣ“.

22 мая 1863 г.

„Все, что ты сообщаешь о западныхъ нашихъ дѣлахъ, и все, что мы читаемъ въ газетахъ, далеко не утѣшительно и не успокоительно. Но я не постигаю, какія мѣры принимаются у насъ для огражденія нападенія. Я не говорю о военной организаци нашей и о томъ, что касается до образа войны въ томъ краѣ: эти дѣла ведутся отлично и съ полнымъ самоотверженіемъ. Но вотъ фактъ, который сообщаю тебѣ: Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, получивъ назначеніе начальника надъ шестью западными губерніями, сообщилъ циркулярно всѣмъ губернаторамъ вызовъ на службу, по всѣмъ шести губерніямъ, десяти чиновникамъ, пре-

имущественно изъ военныхъ, для занятія различныхъ должностей по всѣмъ отраслямъ управленія. Его желаніе состояло въ томъ, чтобы окружить себя чиновниками добросовѣстными, на которыхъ онъ бы могъ вполне положиться. Циркуляръ полученъ, но въ слѣдъ за нимъ послѣдовала министерскій приказъ, повелѣвшій назначить этихъ чиновниковъ благонадежныхъ безъ всякаго вопроса о ихъ желаніи или нежеланіи—и въ случаѣ отказа—съ исключеніемъ изъ службы, съ тѣмъ, чтобы впредь ихъ не принимать на службу. Однимъ словомъ, какъ полки насильно вербуютъ въ повстанцы, такъ и у насъ терроромъ заставляютъ идти на службу въ Западный край. Губернаторъ пользуется случаемъ и удаляетъ отъ управленія лучшихъ нашихъ дѣятелей.

„Я не знаю, въ какой мѣрѣ все то, что я тебѣ сообщая, исторически вѣрно. Но я знаю достоверно о назначеніи противъ желанія одного достойнаго чиновника, рыцарски добросовѣстнаго и честнаго, имѣющаго семейство, бѣднаго, но благороднаго, пользующагося общимъ уваженіемъ, которому слѣзано предложеніе, а по случаю отказа, угрожали исключеніемъ изъ службы, единственнаго источника его пропитанія.

„Я знаю также, что другой молодой человекъ и холостой, назначенный такимъ же образомъ, подать жалобу въ сенатъ на насильственное распоряженіе его службой. Я понимаю, что въ томъ краѣ нужны русскіе люди, и сердечно бы желалъ, чтобы туда отправлялись люди усердные и добросовѣстные. Государь получилъ столько адресовъ со всевозможными увѣреніями въ готовности жертвовать всѣмъ для блага отечества, что я не могу усомниться въ томъ, что на вызовъ царя явятся люди. На этотъ вызовъ царскій вызоветь на службу царскую.

„Тебѣ отдастъ это письмо Татьяна Александровна, которая окончателно переѣзжаетъ въ Москву. Мало

„по малу лучше люди покидаютъ насъ, — и жаль ихъ
 „сердечно. Дѣятельность Петра Николаевича была и
 „полезна и благотворительна: онъ преподавалъ въ гимна-
 „зіи французскій языкъ и занимался съ дѣвцами съ
 „любовью. Здѣсь присутствіе его было ошутительно.
 „Въ Москвѣ, кромѣ близкихъ и знакомыхъ никто не
 „заботится о его существованіи“.

9 іюня 1863 г.

„Спасибо тебѣ, добрый другъ Матвѣй Ивановичъ,
 „за добрыя вѣсти въ послѣднемъ листкѣ отъ 31-го
 „мая, т. е. за миролюбивое настроеніе, которое выска-
 „зывается враждебными намъ державами — Англійей и
 „Франціей. Не постигаю, какимъ образомъ могутъ два
 „образованныхъ народа, какъ англичане и французы,
 „сочувствовать терроризму польскаго тайнаго прави-
 „тельства и не отвергнуть съ отвращеніемъ всякую
 „попытку сближенія съ этими варварами. Но теперь
 „такое время, въ которое трудно постигнуть настоя-
 „щее общественное мнѣніе.

„Всѣ рукоплескали Гарибальди, благородному воину, ✓
 „честно и открыто дѣйствовавшему и обязанному ус-
 „пѣхомъ не террору, но сочувствію народному, вполне
 „заслуженному. Образъ дѣйствія противоположный:
 „замышляемая сицилійская вечерня—убійство дневное и
 „ночное всѣми средствами, какія только выдуманы для
 „уничтоженія людей, вызываютъ въ тѣхъ же людяхъ
 „жалкія одобренія и полное сочувствіе.

„Какъ повяты людей, которые не различаютъ вели-
 „кодушія отъ противоположнаго? Но довольно о груст-
 „ныхъ фактахъ, слишкомъ рѣзкихъ, чтобъ долго на
 „нихъ останавливать вниманіе, вызывающее самую тя-
 „желыя мысли.

„Я привѣтствовалъ радостно отличное дѣйствіе tinct.
 „sulphuris, которое ты мнѣ описалъ, и ожидаю отъ него

„самыя благодѣтельныя послѣдствія для возстановленія твоего здоровья.“

„Письмо твое прочитано было и сестрой, которая видимо склоняется къ полезному дѣйствию гомеопатіи. Не забудь съ первой же почтой дать адресъ твоего врача Ведринскаго, которому нельзя не вѣрить послѣ опыта его искусства, такъ ясно на тебѣ показаннаго“.

6 августа 1863 г.

„О польскихъ дѣлахъ можно только сказать, что горе наше прибавляется. Всегда Польша была намъ преградой для государственнаго устройства. Неужели это не послѣдняя наша борьба съ нею—или предстоитъ еще другая? Во всякомъ случаѣ теперь должно рѣшить этотъ вопросъ: Если они не захотятъ слиться съ нами въ одну нераздѣльную семью, то мы должны поглотить ихъ національность и силою, и нашею численностью. Горько это слово, но оно вынуждено крайностью нашего положенія. Но объ этомъ столько теперь говорится и печатается, что новаго тутъ ничего не придется сказать“.

5 октября 1863 г.

„Въ половинѣ сентября я выѣхалъ въ Тульскую губернію, въ имѣніе сестры, чтобъ тамъ совершить выкупную операцію съ крестьянами и сдѣлать ихъ полноправными собственниками своего поземельнаго участка. Къ сожалѣнію, мое желаніе не исполнилось. Мужички потолковали и рѣшили, что имъ выгоднѣе платить 9 рублей оброка, нежели временно, т. е. въ продолженіи семи первыхъ лѣтъ, на которые я имъ разсрочивалъ платежъ дополнительныхъ платежей,—платить оброкъ возвышенный, а потомъ поступить въ число землевладѣльцевъ съ уменьшеннымъ оброкомъ до 7 руб. 20 к. съ души. Видимая и осязательная

„выгода сдѣлки не прельстила ихъ: тѣ, которые были поразумнѣе, охотно соглашались на условія, меньшинство не захотѣло приложить еще болѣе труда на нѣсколько лѣтъ, а потомъ успокоиться отъ трудовъ и рѣшило отрицательно. Жаль мнѣ было разстаться съ моей мечтой, чтобъ сдѣлать моихъ мужичковъ полноправными гражданами; но я возвратился 1-го октября, не совершивъ этого добраго дѣла.

„Недавно я прочелъ въ газетахъ о кончинѣ супруги нашего ветерана-литератора. Страшно мнѣ стало за Θεодора Николаевича (Глинка). Этотъ тяжелый ударъ проходитъ не даромъ въ наши лѣта, онъ потрясаетъ весь организмъ. Да подкрѣпите его Господь и поможетъ ему перенести испытаніе съ твердостью христіанина!

„Наша ежедневная сердечная забота сосредоточена теперь на нашемъ Гаврилѣ Степановичѣ, котораго я оставилъ почти въ безнадежномъ положеніи, когда уѣзжалъ отсюда; я съ нимъ простился, какъ съ умирающимъ, принялъ его благословеніе и далъ ему отъ души свое. Пріѣзжаю назадъ и нахожу нашего умирающаго подающимъ надежду на полное выздоровленіе*.

26 октября 1863 г.

„Мы, другъ Матвѣй Ивановичъ, все менѣе и менѣе имѣемъ надежду на сохраненіе нашего славнаго Гаврилы Степановича. Вчера онъ приобщился св. таинъ и приготовился къ переселенію въ лучшій міръ. Я его оставилъ въ трудномъ, но не безнадежномъ положеніи.

„О нашей калужской жизни: пока общественной жизни нѣтъ,—совершенно безцвѣтно является общество, которое идетъ прежней колесой безъ живительнаго начала, которое бы способствовало развитію. Впрочемъ, сѣмена лучшаго посѣяны и теперь невидимо растутъ и пускаютъ корни въ землѣ, невидимо

„для нашихъ глазъ, но не менѣе плодотворно для будущаго растенія, которое должно твердо держаться „корнемъ. Я думаю, что и у васъ въ Твери происходитъ то же явленіе. Но у васъ что-то проявляется и дѣлается видимымъ: такъ, на примѣръ, описаніе обѣда съ кубкомъ и со старшинами, даннаго вашему посреднику Головину— есть выраженіе довольно знаменательное въ наше время, если оно, дѣйствительно, выражаетъ тѣсное сближеніе двухъ сословіи земледѣльческихъ—крупныхъ и мелкихъ. Но это начало составляетъ едва-ли не первый опытъ, довольно эффектный, который Тверская губернія предлагаетъ публикѣ, выражая тѣмъ свое передовое направленіе, давно уже заявленное.

Г. Но личность Головина такъ хорошо выражена, что я думаю, она должна тебѣ быть известна. Сообщи о ней то, что ты знаешь!

„У насъ здѣсь есть также довольно оригинальныя личности. На примѣръ, у насъ есть посредникъ, который съ крестьянами не иначе говоритъ, какъ на вы. Но тутъ же выражается такъ:— „вы, милостивый государь, мошенникъ, — вамъ нельзя вѣрить“. Онъ давалъ обѣдъ старшинамъ своего участка и угощалъ ихъ европейской стряпней, отъ которой наши мужички отплевывались по неразвитости своего вкуса. Между тѣмъ по ревизіи оказалось, что его участокъ одинъ изъ самыхъ отсталыхъ, какъ по волостнымъ правленіямъ, такъ и по знанію старшинами своихъ обязанностей. Много странностей въ нашемъ гражданскомъ бытѣ, но отраднo и то, что нѣтъ уже стараго, отжившаго свой вѣкъ.

„Дѣла польскія возмущаютъ мнѣ душу. Не легко будетъ намъ разрѣшить польскій вопросъ; сила одна тутъ не подѣйствуетъ. ^{vv}Одинъ Господь можетъ усмирить и покорить тотъ духъ, который нынѣ возсталъ и выставилъ свою безобразную голову“.

10 ноября 1863 г.

„Грустную вѣсть сообщаю тебѣ, другъ Матвѣй Ива-
 „новичъ: нашего Гаврилы Степановича нѣтъ уже ме-
 „жду нами: 29-го октября, вечеромъ, въ 9 часовъ,
 „его не стало—онъ переселился въ небесныя обители
 „Отца нашего небеснаго, гдѣ нѣтъ печали, ни возды-
 „ханія, но жизнь безконечная: такъ совершилъ онъ
 „свой путь житейскій на 71-мъ году отъ рожденія, со-
 „вершилъ его, сохранивъ до конца вѣру и украсивъ
 „жизнь дѣлами любви и жизнью по вѣрѣ. Грустно
 „было разставаться съ нимъ. Какое-то чувство безот-
 „четное, но тяжелое наполняло сердце, когда тѣло его
 „бездыханное лежало на столѣ, такъ еще недавно пол-
 „ное жизни и отвѣчавшее слову любви словомъ взаим-
 „нымъ. И теперь впечатлѣніе смерти осталось еще,
 „хотя не въ прежней силѣ—и воспоминаніе о немъ еще
 „долго не изгладится. Его симпатичная натура приоб-
 „рѣла ему много друзей, которыхъ онъ умѣлъ сохра-
 „нить до конца своей жизни. Многое онъ дѣлалъ и для
 „нихъ. Не далѣе, какъ два года тому, онъ ѣздилъ въ
 „Царство Польское навѣстить своего пріятеля Пого-
 „дина, съ которымъ онъ сблизился еще во время служ-
 „бы при Аракчеевѣ. Не говорю уже о частыхъ его
 „поѣздкахъ въ Петербургъ и въ Москву, которыя онъ
 „считалъ прогулками.

ξ Онъ завѣщалъ похоронить себя въ имѣніи Елагин-
 „ныхъ—въ Петрищевѣ, и въ послѣднемъ письмѣ имъ
 „написанномъ, сдѣлалъ распоряженіе о чинѣ своего
 „погребенія*и опредѣлилъ всѣ мелочныя подробности
 „похоронъ. Письмо написано за два мѣсяца до смерти
 „и указываетъ ясно, что онъ понималъ свое состояніе
 „при самомъ началѣ болѣзни и съ бодрымъ духомъ
 „смотрѣлъ на смерть.*Исполняя его послѣднюю волю,
 „чинъ погребенія его совершился 2-го ноября, а 4-го
 „повезли его тѣло въ Петрицево, откуда уже было

„получено отъ Елагиныхъ извѣщеніе объ ожиданіи и „принятіи его въ усыпальницу свою. Гѣло его прово- „диль Александръ Николаевичъ Цуриковъ, который „живетъ въ его домѣ и былъ при немъ почти безот- „лучно въ послѣдніе дни его болѣзни.

„Вотъ событіе, которое отвлекло всѣ мысли наши и „чувства и остается доселѣ предметомъ и думъ, и бе- „сѣдъ нашихъ. Всѣ бывшіе въ городѣ его знакомые „были ежедневно на его панихидахъ и присутствовали „при погребеніи. Но насъ радостно удивило прибытіе „ко дню похоронъ Татьяны Александровны Свистуно- „вой съ милымъ юношей, княземъ Иваномъ Трубец- „кимъ. Они прѣехали, чтобы проститься съ нимъ, на- „дѣясь застать его еще въ живыхъ, но прибыли въ „самый день погребенія.

„Отрадно было ихъ видѣть между нами. Оба испол- „нили святой долгъ дружбы. Но въ Татьянѣ Алексан- „дровнѣ, при ея болѣзненномъ состояніи, этотъ под- „вигъ былъ актомъ самоотверженія, которому нельзя „было не сочувствовать.

„Что тебѣ сказать о нашемъ житьѣ-бытьѣ: все идетъ „обычнымъ порядкомъ. Съ отъѣзда Арцимовича стала „замѣтна убыль въ нашемъ обществѣ тѣхъ лицъ, съ „которыми мы были въ сочувственныхъ отношеніяхъ, „но административный порядокъ остался не нарушимъ.

„О польскихъ дѣлахъ теперь говорить нечего: На- „полеонъ сыгралъ мастерскую штуку — европейскую. „Увидимъ, что изъ нея выйдетъ. Но, кажется, безъ „войны не обойдется. За что будетъ проливаться кровь „и за что проливается она теперь? Все это сокрыто во „мракѣ тьмы, а тьма эта есть плодъ тьмы, которая въ „мрачномъ народномъ фонѣ облеклась въ образъ не- „видимый, но въ сущности ошутительной силы вражь- „ей, для которой не существуетъ нравственнаго закона. „Будемъ вѣрить, что сила правды нашей побѣдитъ эту „темную силу“.

19 января 1864 г.

„Много и много думъ навѣяло начало нынѣшняго
 „года. Неужели начало нашей борьбы съ западомъ раз-
 „разится въ борьбу на жизнь или смерть? Неужели мы
 „будемъ вынуждены отстаивать свою самобытность?
 „Страшно объ этомъ подумать. Но Богъ поможетъ и
 „въ правомъ дѣлѣ не дастъ побѣды неправому. Такъ
 „вѣрю, и вѣрю, что такъ будетъ.

„Я началъ годъ сильнымъ катарромъ, т. е. catarrhe
 „suffocant, который не давалъ покоя ни днемъ, ни ночью,
 „кашель, прерывающій дыханіе, сильно меня тревожилъ.
 „Но, слава Богу, теперь какъ будто стало легче.

„Я пишу тебѣ эти строчки, а почта привезла изъ
 „деревни худыя вѣсти, которые тяжело легли на душу:
 „нашъ довѣренный крестьянинъ, бывший бурмистръ,
 „нынѣ эманципированный, промоталъ часть нашихъ
 „доходовъ, и сверхъ того сгорѣла наша изба, т. е. един-
 „ственное строеніе, которое необходимо было для по-
 „мѣщенія единственныхъ охранителей нашей усадеб-
 „ной осѣдлости. Теперь необходимо покрыть этотъ де-
 „фицитъ, — но чѣмъ и какъ — остается нерѣшимой за-
 „дачей. Въ этихъ неотрадныхъ думахъ проходятъ часы
 „за часами, но положеніе отъ этого не улучшается:
 „придется вычеркнуть довольно крупную сумму изъ
 „бюджета и въ немъ открыть дефицитъ. Но какъ у
 „насъ нѣтъ палаты, которая разрѣшила бы заемъ на
 „покрытіе дефицита, то приходится придумать самому
 „все, что нужно для такой операции. Вотъ пока наша
 „забота, — она мелочна; но куда дѣнешься отъ мелочей
 „въ здѣшней жизни?

9 февраля 1864 г.

„Вновь замедлилъ я отвѣтомъ на твой дружескій
 „листокъ, другъ Матвѣй Ивановичъ, но замедленіе

„произошло не отъ лѣни или нерадѣнія, а отъ недуга: „съ января меня посѣтилъ катарръ—или гриппъ,—какъ „хочешь его назови. Но болѣзнь меня утомила, и до- „седѣ я еще не могу придти въ свое нормальное по- „ложеніе, которое само по себѣ не нормально, потому, „что мнѣ 68 лѣтъ. Старость не маловажная. Но теперь „я, по крайней мѣрѣ—начинаю двигаться и ходить сво- „имъ обычнымъ пѣшеходствомъ, а для меня эта по- „требность физическая, движеніе и воздухъ мнѣ необ- „ходимы. Думаю, что тѣ же нужды чувствуешь и ты и „удовлетворяешь имъ по возможности.

„Теперь ты, вѣроятно, находишься на бардяныхъ ван- „нахъ у гостепріимнаго Николая Николаевича (Тол- „стого), съ которымъ мы вмѣстѣ были адъютантами у „покойнаго достойнаго Якова Алексѣевича. Мы съ „нимъ разстались въ Дерптѣ—въ 1821 г., и съ тѣхъ „поръ не видались. Хотя наша общія служба была „довольно коротка, но я думаю, что Николай Никола- „евичъ ея не забылъ, а при ней вспоминаетъ и меня. „Напомни ему, какъ принимали Якова Алексѣевича „въ Дерптскомъ университетѣ, какъ ввели въ лабора- „торію, и профессоръ нѣмецкѣ представилъ высокому „гостю ухо, и какъ Яковъ Алексѣевичъ обратился ко „мнѣ и по французски спросилъ въ полголоса: „que „me veux set imbécile? Я ему въ полголоса же коротко „объяснилъ смыслъ рѣчи—и нашъ Яковъ Алексѣевичъ „встрепенулся, и отвѣчалъ такъ, какъ будто все по- „нялъ, что сказано было на чужомъ языкѣ. Онъ не „могъ забыть также и лекціи физики Паррота и obser- „ваторію Струве—и его Долландовъ телескопъ и, на- „конецъ, обѣды, давшія Потемкинымъ ученому дерпт- „скому сословію—и въ заключеніе то знаменитое утро, „когда фельдъегерь привезъ роковое письмо о назна- „ченіи Якова Алексѣевича начальникомъ 14 пѣхотной „дивизіи. Думаю, что и у тебя много отраднѣхъ вос- „поминаній по старому семеновскому полку.

„Что тебѣ сказать отраднago: въ нынѣшнее время мало отраднago вообще, и не знаю, какъ назвать наше общественное положеніе: апатія—не апатія, но тяжелое равнодушіе ко всему общественному и заботливое попеченіе о личныхъ и имущественныхъ интересахъ, которые сильно потрясены и требуютъ усиленной дѣятельности для восполненія убытковъ. Если бы сочувствіе было обращено на Польшу и ея событія, то я бы не сказалъ ничего: это сочувствіе вызвало бы энергическихъ дѣятелей, которые бы рѣшились ѣхать туда и честною дѣятельностью заставили бы умолкнуть полонизмъ, но этаго настроенія не видно. ✓

„Теперь вводятся земскія учрежденія: прочли въ газетахъ Новое Положеніе, и никто даже не заявилъ своего сочувствія, своего желанія содѣйствовать успѣху этого новаго и благотѣльнаго учрежденія. ✓

„Что скажутъ тверитяне? Они были передовыми — пусть будутъ передовыми. Худо ли — хорошо ли, но нужно заявить дѣятельность гражданскую. И я вѣрю, что всякое заявленіе, даже неудачное, лучше безмолвія и мертвящаго бездѣйствія. Вѣроятно, всѣ ждутъ инициативы отъ тверскаго дворянства по случаю новыхъ земскихъ учреждений. Оно и въ крестьянскомъ вопросѣ, и въ мировыхъ учрежденіяхъ показало себя чѣмъ-то самостоятельнымъ, хотя и не во всемъ это заявленіе показалось нормальнымъ.

„Не знаю, когда мнѣ придется видѣться съ вами, мои друзья. Съ кончиной брата ничего особеннаго не манитъ меня въ Москву. Но можетъ случиться, что мы совсѣмъ переселимся въ Москву, если сестрѣ удастся продать нашъ калужскій домъ; но охотниковъ-покупателей еще не отыскалось, и это перемѣщеніе отложено въ неизвѣстную будущность. А хорошо бы вновь намъ сойтись на ялutorовскій ладъ. Но едва ли это будетъ возможно при нынѣшней нашей обстановкѣ. Но при всемъ томъ приношу вамъ мою ялutorовскую

„сердечную преданность и сочувствіе. — Да хранитъ
„васъ Господь“.

А. Любящій Е. Оболенскій.

3 іюня 1864 г.

„Принимаюсь наконецъ за перо, другъ Матвѣй Ива-
„новичъ, чтобъ сообщить тебѣ о дѣйствіи Распальева
„лѣченія камфорой: я употреблялъ ее малыми приемами,
„наконецъ по чайной ложкѣ три раза въ день, по
„твоему предписанію; но видимаго благотвѣтельнаго
„дѣйствія не находилъ до того времени, когда теплая
„погода установилась, и мой упорный кашель сталъ
„постепенно утихать. Но и теперь онъ продолжается
„и обыкновенно усиливается утромъ, послѣ сна и от-
„части ночью при пробужденіи. Вѣрю, что это упор-
„ный катарральный кашель по многимъ признакамъ, и
„потому прошу тебя мнѣ сообщить, въ чемъ состоитъ
„специфическое лѣченіе Распала, и не могу ли изба-
„виться отъ этого изнурительнаго состоянія, которое
„не совсѣмъ пріятно.

„Мои гимназисты потрудились крѣпко почти весь
„прошедшій мѣсяцъ, а съ ними потрудился и я. Но,
„слава Богу, экзамены проходятъ отчасти хорошо:
„меньшой долженъ перейти въ 4-ый классъ, а старшій,
„можетъ быть, останется въ 5-мъ еще на годъ, если
„ему не дадутъ переэкзаменовки. Но оставаться ему
„не бѣда: недавно ему минуло 14 лѣтъ; онъ можетъ
„еще посидѣть въ одномъ классѣ безобидно... Вотъ
„крупный фактъ нашей семейной жизни; другой со-
„стоитъ въ томъ, что сестра переѣзжаетъ на лѣто въ
„деревенскій воздухъ—версты за 4 отъ насъ. Сосновая
„роща, въ которой она можетъ сидѣть цѣлые дни, и
„которой испаренія ей нужны для ея больной груди,
„принуждаютъ ее на это лѣтнее переселеніе. Мы должны
„разлучиться на время, хотя бы и не хотѣлось. Съ нею
„ѣдетъ наша Оленька, съ которой сестра не хочетъ

„разстаться, и которая будетъ ее развлекать въ уединеніи“.

17 іюля 1864 г.

! „Ты мнѣ какъ-то написалъ о бѣдности твоихъ доходовъ съ твоего имѣнія. Спрошу тебя, отчего же у тебя такъ непроизводительна эта часть? Я помню описаніе твое о первомъ посѣщеніи твоёмъ, какъ крестьяне принимали тебя радушно, и какъ ты былъ ими доволенъ и хвалилъ ихъ благосостояніе. Неужели указъ 19 февраля или, лучше сказать, уставная грамота измѣнила ихъ бытъ? Впрочемъ, тутъ много условій, которыхъ нельзя предвидѣть, и которыя препятствуютъ исполненію самыхъ законныхъ требованій и ожиданій. Сообщи по дружбѣ о своихъ финансовыхъ дѣлахъ и обрадуи чѣмъ-нибудь хорошимъ. И наши финансы страдаютъ въ нынѣшнемъ году,—но что же дѣлать,—мы все болѣе или менѣе должны перенести на себѣ переходное экономическое время. Свобода многихъ легла на меньшинство. Но со временемъ мы будемъ вознаграждены: цѣны за землю должны высѣться при увеличенномъ спросѣ на эту жизненную потребность; тогда наши доходы будутъ постепенно возрастать.“

„Скоро я долженъ отправиться въ наше тульское имѣніе и тамъ хозяйничать, т. е. торговаться съ крестьянами о наймѣ земли. Срокъ 3-хъ годичный найма ихъ кончается — и теперь приходится дѣлать новыя условія. Вообще, другъ Матвѣй Ивановичъ, наше положеніе безвыходное: капиталовъ нѣтъ, — откуда ихъ взять, чтобъ завести необходимый скотъ — и вообще все, что нужно для привольнаго и выгоднаго хозяйства. Вотъ забота моя, которая скребетъ на сердцѣ, когда подумаешь о будущности дѣтей, которымъ хотѣлось бы оставить что-нибудь для всей ихъ будущности“.

5 сентября 1864 года.

«Негодование твое на Каткова ¹⁾ я вполне разделяю, тѣмъ болѣе, что онъ ту-же клевету повторилъ и въ послѣднемъ № „Русскаго Вѣст.“. Я не имѣю данныхъ положительныхъ, чтобъ опровергнуть его злое слово, и потому не писалъ ему ничего; но твой документъ Варшавскаго комитета такъ ясенъ и такъ положительенъ, что ему должно бы посовѣститься повторить свою клевету въ своемъ журналѣ. Но онъ, какъ публицистъ, не взираетъ на истину, но извлекаетъ изъ всего ту идею, которую преслѣдуетъ. Въ этомъ отношеніи я ему прощаю, — желаніе честное и чистое отдѣлать или, лучше сказать, освободить нашъ русскій край отъ полонизма, покрываетъ множество его грѣховъ.

«Недавно получили мы письма изъ Кіева, которыя заставили меня содрогнуться отъ негодованія: ²⁾военныя команды снуютъ по губерніи, вынуждая крестьянъ къ уплатѣ оброковъ своимъ измѣнникамъ-панамъ. Цѣлая деревни разбѣжались въ лѣса отъ военной экзекуцій. Вотъ какъ поступаетъ благодѣтельное начальство съ людьми, которые доказали свою вѣрность своему царю и отечеству! Что же можно ожидать послѣ такихъ мѣръ, и можно ли надѣяться найти въ этихъ русскихъ душахъ сочувствіе къ намъ? Въ справедливости того, что намъ сообщено, ручается лицо, передавшее грустный фактъ; это лицо есть главный повѣренный комиссія по кіевской губерніи, за добросовѣстность котораго я ручаюсь. ³⁾Вообще, другъ Матвѣй Ивановичъ, мы теперь оплачиваемся за грѣхи нашего великодушія къ польскимъ магнатамъ, которые воспользовались имъ, чтобъ глубоко пустить свои корни въ нашу русскую землю. Этотъ чуждый элементъ заглушилъ лучшіе проявленія нашего русскаго племени, который

1) Москов. Вѣд. 9 числа № 151.

„былъ подавленъ чужимъ наростомъ. Грустно и очень грустно видѣть плоды этого угнетенія и теперь начинать то, что должно было начать за сто лѣтъ.

„Спасибо тебѣ за добрую вѣсть о Николаѣ Ивановичѣ Тургеневѣ. Я всегда вспоминаю съ удовольствіемъ о томъ времени, когда я былъ съ нимъ въ сношеніяхъ по дѣламъ Т. О., въ которомъ онъ принималъ живое и дѣятельное участіе. Если онъ не захотѣлъ возвратиться изъ Парижа, чтобъ подчиниться той же участи, которой мы всѣ подверглись,—но чтобъ это исполнить, надобно было ему быть Регуломъ, — но этого никто не могъ отъ него ожидать, ни даже желать. § Вообщемъ же отдать должно ему дань полной справедливости: онъ всегда былъ и будетъ человекомъ благонамѣреннымъ. § Что же касается до его оправдательной брошюры, то въ ней видна политическая уловка, послѣ которой онъ получилъ позволеніе безпрепятственнаго вѣзда въ Россію. Скажи мнѣ, какъ онъ объясняется по-русски: живя 40 лѣтъ въ Парижѣ, или Лондонѣ — не трудно забыть свой родной языкъ?

„О своемъ здоровіи скажу только, что мой кашель лѣтомъ исчезаетъ, но съ началомъ зимы усиливается. Теперь чувствую себя довольно хорошо; но по временамъ бываетъ одышка, которая сильно беспокоитъ. Грустно подумать, что мы, можетъ быть, не увидимся болѣе на этомъ свѣтѣ.

„Вѣрю, что вы и въ Твери нашли пріятное общество; но трудно замѣнить намъ ялutorовскій кружокъ, который всегда останется въ сердечной памяти“.

14 октября 1864 г.

„Давно съ тобой не бесѣдоваль, другъ Матвѣй Ивановичъ, и удивляюсь самъ причинѣ моего долгаго молчанія; ни физическихъ, ни нравственныхъ причинъ не нахожу, и потому думаю, что первая и главная

„причина — старость, которая иногда ощутительна по
 „желанію совершеннаго покоя, такъ что и письмо пи-
 „шется съ нѣкоторымъ трудомъ. А между тѣмъ сердце
 „понимаетъ, что старому другу должно отвѣчать бе-
 „сѣдой за бесѣду. Твое слово, что мы оба, какъ ста-
 „рые корабли, стоимъ на мертвомъ якорѣ, совершенно
 „оправдывается моимъ положеніемъ, изъ котораго ни-
 „какого исхода я не предвижу и не желаю предвидѣть.
 „Пусть будетъ оно такъ, какъ свыше опредѣлено; оно
 „будетъ мнѣ въ пользу и даже отраду. Недавно мнѣ
 „минуло 68 лѣтъ, а я доселѣ былъ и остаюсь беззе-
 „мельный и безкапитальный. Но при всемъ томъ доселѣ
 „жить и живу не въ нуждѣ, но въ нѣкоторомъ отно-
 „сительномъ и нравственно не стѣснительномъ доволь-
 „ствѣ. Слава и благодареніе Богу за его храненіе и
 „помощь. —³Какъ не вспомнить и ту ¹⁾, которая съ
 „1837 года, — со двя кончины отца, была постоянно моимъ
 „ангеломъ-попечителемъ? Но объ этомъ ты давно знаешь
 „и, безъ сомнѣнія, умѣешь оцѣнить сердце способное,
 „много и крѣпко любить.

„Благодарю тебя за твой отвѣтъ о Николаѣ Ивано-
 „вичѣ. ³Грустно то, что онъ, повидимому, измѣнилъ
 „православію, — и если не самъ, то окатоличилъ своихъ
 „дѣтей и отчуждилъ ихъ отъ роднаго очага. Мы по-
 „теряли въ немъ гражданина честнаго и полезнаго, а
 „онъ потерялъ ничѣмъ не замѣнимую родину. При
 „случаѣ спроси у него о братѣ его, Яковѣ Ивановичѣ,
 „живущемъ также въ Парижѣ съ 1825 года: холостъ
 „онъ, или женатъ. Однимъ словомъ, мнѣ желательно
 „узнать о судьбѣ его. Мы живемъ благополучно и,
 „благодаря Бога, вопреки зловѣщимъ угрозамъ, наша
 „Калуга пощажена отъ пожаровъ, которые надѣлали
 „столько бѣдъ и разорили столько людей. Эти явле-
 „нія въ высшей степени возмутительныя и отвратитель-

¹⁾ Сестра его, княгиня Н. П. Оболенская.

„няя; если они обнаруживают месть поляковъ, то ставить ихъ ступеней ниже дикихъ ирокезовъ. Все глубже и глубже эти бѣдные люди роютъ яму, которая насъ раздѣляетъ; и страшно подумать о будущности. Неужели они должны исчезнуть съ лица земли русской, — по весьма простой причинѣ, — потому что мы не можемъ въ мирѣ жить съ ними? И всему виновною не народъ, а шляхетство.“ Что же дѣлать, другъ Матвѣй Ивановичъ, самозащита есть одна изъ первыхъ обязанностей всякаго человѣка и гражданина“.

„Извѣстія изъ Кіева также въ высшей степени возмутительны. Печать бездарности лежитъ, какъ кажется, на главномъ начальникѣ, которому ввѣренъ край, а край богатый и кровно русскій, въ которомъ однако польскій элементъ получилъ сильное развитіе. Много грустныхъ фактовъ сообщаютъ оттуда наши калужскіе лучшіе люди, которые изъ зѣвшихъ мировыхъ учрежденій переѣхали туда съ честнымъ желаніемъ принести свой честный трудъ на пользу края. Вѣроятно, и тебѣ не безызвѣстно то, что тамъ дѣлается“.

15 ноября 1864 г.

„Какъ не вспомнить дорогого именинника въ день свѣтлый 16-го ноября, который былъ намъ свѣтлымъ въ продолженіи многихъ и многихъ лѣтъ? По старой памяти крѣпко обнимемъ, другъ Матвѣй Ивановичъ, и хотя тебѣ за семьдесятъ, а мнѣ подъ семьдесятъ, но мы не престанемъ питать другъ къ другу теплое чувство, пока сердце не остыло и еще бьется. Эти строки, можетъ быть, дойдутъ до тебя въ самый разгаръ вечерняго празднества и замѣнятъ личное мое присутствіе, которое должно бы умножить число твоихъ дорогихъ гостей. Не много будетъ у тебя старыхъ, вѣрныхъ друзей; не много ихъ осталось, а изъ ялуторовскихъ — мы только двое еще можемъ

„вспоминать бывшее доброе время. Если что-нибудь не воспрепятствует, то, вѣроятно, твой Михайлъ Иларіоновичъ посѣтитъ тебя, воспользуясь чугункой. Если онъ на лицо, то спроси его объ Ольгѣ Ивановнѣ Басаргиной. Онъ ея довѣритель, и потому долженъ знать, гдѣ она и что съ ней дѣлается.

„О Павлѣ Сергѣевичѣ (Бобринцевѣ-Пушкинѣ) знаю, что Боянусъ не нашелъ еще специфическаго средства отъ его болѣзни и напрасно пробовалъ многія средства. Но теперь не знаю, что съ бѣднымъ больнымъ дѣлается. Можетъ быть, онъ вернулся въ свое село Коростино и оставилъ мысль о излеченіи своего недуга. Вообще много грустнаго въ этомъ мѣрѣ, другъ Матвѣй Ивановичъ, и отрадна вѣра въ свѣтлую будущность, которая открывается намъ въ домѣ Отца нашего небеснаго. Немногимъ мы отдалены отъ этой свѣтлой надежды, которая можетъ скоро осуществиться, и къ которой мы должны приготовиться. Часто и очень часто приходитъ мнѣ эта мысль среди попеченій и заботъ житейскихъ и вливается въ душу то таинственное чувство, которое колеблется между страхомъ и надеждой; но всевосполняющая любовь звѣчная даетъ надеждѣ ту силу, которая возноситъ душу къ подножію Того, Кто душу свою положилъ для искупленія нашего и насъ приобщилъ къ своей божественной сущности.² Другъ Матвѣй Ивановичъ, держись крѣпко за этотъ единственный якорь спасенія,—и свѣтла предстанетъ тебѣ жизнь во всей ея полнотѣ и небесномъ величій.

Затѣмъ Евгений Петровичъ переходитъ къ своимъ семейнымъ дѣламъ, пишетъ объ общихъ съ нимъ трудахъ и успѣхахъ своихъ гимназистовъ, при этомъ вспоминаетъ добрымъ словомъ Каткова за упроченіе классицизма, о чемъ уже упомянуто нами раньше; но, по обыкновенію кончаетъ письмо ягучими политическими вопросами.

«Въ обществѣ нашемъ застои и мысли и дѣла. Калужской губерніи приказано готовиться ко введенію земскихъ учреждений, но Калужская губернія глуха къ воззванію: первое собраніе пригготовительное было сдѣлано, — ожидали какой-нибудь плодотворной мысли отъ котораго-нибудь изъ членовъ. Но у всѣхъ языкъ прилипъ къ гортани, и поклонившись другъ другу — всѣ члены разошлись, не размѣнявшись ни словомъ, ни дѣломъ. Не знаю, что будетъ далѣе, но пока апатія полная царствуетъ, и многіе желали бы, для личнаго спокойствія, чтобъ старыя времена блаженной безпечности возвратились. Но это невозможно, а потому всѣ молчатъ и думаютъ думу крѣпкую, какъ бы обойтись безъ обременительныхъ для личнаго спокойствія земскихъ учреждений*, которыя налагаютъ на каждаго избраннаго члена большую отвѣтственность. Вотъ все, что можно замѣтить въ нашемъ гражданскомъ обществѣ. Ваша Тверская губернія, какъ передовая, вѣроятно, явитъ собою примѣръ самодѣятельности. Сообщите, что тебѣ извѣстно о вашей прославленной губерніи*».

30 декабря 1864 г.

Евгеній Петровичъ сначала извѣщаетъ о серьезной болѣзни своего старшаго сына Ивана, продолжающейся третью недѣлю. Но и семейное горе не отвлекло его вниманія отъ общественныхъ дѣлъ:

«Сейчасъ видѣлъ племянника, офицера путей сообщенія, въ нынѣшнемъ году кончившаго курсъ съ золотой медалью, и назначеннаго для производства работъ по южной желѣзной дорогѣ, которую въ 1865 г. поведутъ отъ Серпухова на Тулу и Орель. Изъ новаго внутренняго займа ассигновано 10 мил.; вѣроятно, прибавитъ еще столько же, если работы будутъ успѣшны. Вообще они разсчитываютъ стоимость каждой версты въ 60,000 руб. Слѣдовательно, на 10 мил.

„можно соорудить до 165 верстъ. Вѣроятно, въ 3 года „путь будетъ доведенъ до Кіева—и въ это же время „поспѣеть дорога отъ Одессы до Кіева. Еслибъ это „осуществилось, то можно положительно утверждать, „что никто не перетянетъ отъ насъ ни одну изъ юго- „западныхъ губерній.

„Мы получаемъ извѣдка вѣсти изъ Кіева; отсюда „пишутъ съ полною добросовѣстностью, что если слу- „чай взяточничества можно встрѣтить въ великорос- „сійскихъ губерніяхъ, то беззастѣнчивость въ этомъ „отношеніи Юго-западнаго края превосходитъ всякое „вѣроятіе. Вотъ чему научилась интеллигенція края, „которая составляла его администрацію! Я писалъ „въ Варшаву и просилъ увѣдомленія о нашихъ чест- „ныхъ труженикахъ и дѣятеляхъ туликахъ, съ которыми „усиѣлъ немного познакомиться во время моихъ туль- „скихъ посѣщеній, но отвѣта еще не получалъ; и вѣ- „рю, что письмо мое могло быть истреблено какимъ „нибудь недоброжелателемъ. По официальнымъ извѣ- „стіямъ все наши подвизаются честно и добросовѣ- „стно, и пользуются довѣренностью народа, и неволь- „нымъ уваженіемъ шляхетскаго класса. Мнѣ хотѣлось „узнать частнымъ образомъ, насколько справедливо это „официальное свѣдѣніе.

„О нашихъ калужскихъ земскихъ учрежденіяхъ мы „еще ничего не слышимъ. Но начало сдѣлано, слѣдо- „вательно, будетъ и продолженіе, и ковецъ—всему дѣ- „лу вѣнецъ. Когда губернская управа войдетъ въ силу „и заявитъ свое существованіе какими нибудь полез- „ными нововведеніями; но едва начнетъ дѣйствіи зем- „ство, какъ наступитъ пора дѣятельности мировыхъ „судей и всей судебной реформы. И это все будетъ „совершаться въ присутствіи нашемъ, т.-е. тѣхъ, кото- „рые давно и очень давно чувствовали всю тяжесть „того нравственнаго зла, которое лежало тяжелымъ „гнетомъ на всемъ народѣ нашемъ.

„Итакъ, да благословить Господь благое начало благого дѣла, которымъ да прославится Господь, какъ начало и совершитель всякаго добра!—Затѣмъ обниму тебя крѣпко. Твой старый другъ“

Е. Оболенскій.

13 января 1865 г.

„Вотъ наступилъ 1865 годъ, другъ Матвѣй Ивановичъ, и мы съ тобой еще не обмѣнялись дружескимъ привѣтомъ, какъ слѣдуетъ такимъ старымъ и престарымъ знакомымъ и товарищамъ, каковы мы съ тобой. А между тѣмъ время летитъ—съ нынѣшнимъ годомъ я вступаю въ свой 69 годъ, а ты, другъ Матвѣй Ивановичъ, въ свой 72 годъ. Почтенны наши лѣта. Но благодареніе Богу, хотя чувствуется гнетъ долгихъ годовъ жизни, но они сносны и не слишкомъ тяготятъ. Не знаю, какъ ты себя чувствуешь, но я видимо ощущаю слабѣющую память, которая измѣняется, когда коснется тѣхъ событій, которыя совершались въ недавнее время, но не измѣняетъ въ той части жизни, когда мы съ тобой были еще въ цвѣтѣ лѣтъ.“

„Довольно грустно проводить я конецъ истекшаго года и съ нѣкоторымъ безпокойствомъ встрѣтилъ новый. Мой старшій сынокъ, Ваня, крѣпко заболѣлъ, какой-то странною болѣзью, которую докторъ называлъ ревматизмомъ; но она сопровождалась сильнымъ жаромъ, бредомъ и даже обморокомъ; горячечное состояніе продолжалось почти двѣ недѣли и наконецъ перешло въ боль постоянную, которая поразила правый бокъ и подреберную кость. Теперь осталась боль, которая не позволяетъ ступить на ногу. Вотъ уже второй мѣсяцъ наступилъ, а болѣзнь не проходитъ. Терпѣніе, терпѣніе и терпѣніе—вотъ къ чему приходится прибѣгнуть. Это дѣло мое частное, которому подвергается каждый, живущій на землѣ. Но все ча-

„стное должно умолкнуть, когда вспомнишь о громад-
 „ныхъ реформахъ, которыя уже обнародованы и долж-
 „ны пересоздать Россію на новый ладъ — съ началами
 „суда и правды, и самоуправленія.

„Всѣ увѣряють, что мы не готовы еще, чтобы всту-
 „пить на это блестящее поприще. Но если спросить
 „большинство рѣшающихъ такъ безотрадно нашу не-
 „готовность принять хорошее, когда настанетъ это бла-
 „женное время, въ которое мы окажемся достойными
 „принять реформы,—то они же по совѣсти скажутъ—
 „никогда, потому что при старыхъ порядкахъ при-
 „вольное было житье различнымъ личностямъ, которыя
 „не любятъ свѣтъ Божій и бѣгутъ отъ свѣта правды.
 „Славу Богу, что эти жизненные вопросы теперь рѣ-
 „шены и составляютъ эпоху въ нашей народной жизни.

„Нашъ покойный Александръ I-ый всѣмъ сердцемъ
 „желалъ ввести въ жизнь все то, что нынѣ уже совер-
 „шено и что совершается; но онъ не могъ преодолѣть
 „той силы, которая препятствовала исполненію его бла-
 „гихъ намѣреній. Слава Александру II-му за славный
 „подвигъ—и да благословитъ Господь всѣ его доб-
 „рыя дѣла!

„Я тебя спрашивалъ и вновь спрашиваю: какъ идутъ
 „въ вашей губерніи земскія учрежденія? У насъ здѣсь
 „они еще не осуществились, а потому не могу даже
 „приблизительно сказать, что здѣсь выйдетъ изъ этого
 „прекраснаго дѣла. Изъ Москвы также не слышно ни-
 „чего, — но тамъ оно должно немедленно придти въ
 „исполненіе“.

30 января 1865 г.

„Давно и очень давно не бесѣдовалъ съ тобой, другъ
 „Матвѣй Ивановичъ. Но въ это время скорбь пости-
 „гла насъ: мой старшій сынокъ заболѣлъ опасно, и те-
 „перь едва-едва, по милости Божіей, началъ поправ-
 „ляться. Вотъ седьмая недѣля, какъ болѣзнь продол-

„жается, но полное выздоровленіе еще ожидается. Съ
 „этой заботой и кручиной начиналъ я новый годъ,
 „другъ Матвѣй Ивановичъ, но помолился и надеждой
 „укрѣпился. Теперь, хотя сынокъ еще не выходить,
 „но на душѣ легко, потому и бесѣда сдѣлалась легка.

„Въ твоємъ письмѣ отъ 6 января читаю не безъ
 „удовольствія, что и вы, тверитяне, пользовались тою
 „же температурой, какой и мы, т.-е. полною оттепелью
 „съ дождемъ и вскрытіемъ нашей Оки, которая нѣ-
 „сколько дней оставалась вскрытой и позволяла паро-
 „му перевозить черезъ себя; такого явленія не запомню
 „въ продолженіи долгодѣтней моей жизни; слѣдова-
 „тельно, вездѣ одно и то же повторилось. Но въ замѣнъ
 „снѣга, растаявшаго и исчезнушаго, у насъ появились
 „снѣжные бураны, которые сопровождались трое су-
 „токъ сряду и покрыли землю такимъ толстымъ сло-
 „емъ снѣга, что образовались снѣжныя горы и ухабы,
 „которыхъ мы не видали и съ начала зимы. Словомъ,
 „у насъ вновь настала зима съ ея законными аттри-
 „бутами.

„Съ нынѣшней почтой получилъ письмо отъ На-
 „талы Дмитріевны съ доброй вѣстью, какъ о возста-
 „новленномъ ея здравіи, такъ и о началѣ улучшенія
 „въ состояніи болѣзненнымъ нашего Павла Сергѣеви-
 „ча. Если Господь по милосердію своему исцѣлитъ
 „нашего дорогого Павла, то по истинѣ совершится
 „чудо, за которое нельзя будетъ не порадоваться ¹⁾).

„Ты, ближайшій сосѣдъ Москвы, вѣроятно, прокатилъ
 „до Бѣлокаменной, чтобъ быть свидѣтелемъ москов-
 „скихъ выборныхъ собраній, которыя въ нынѣшнемъ
 „году были такъ шумны и такъ любопытны по та-
 „лантливымъ личностямъ, которыя выступили на об-
 „щественную арену и, вѣроятно, заявили много дѣль-
 „наго.

¹⁾ П. С. Бобринцевъ-Пушкинъ скончался 13 февраля 1866 года.

„Мы слышали много похвалъ о сказанныхъ рѣчахъ
 „отъ прїѣзжихъ изъ Москвы. Я вѣрю, что наше граж-
 „данское образованіе подвинулось довольно сильно въ
 „эти годы нашего освобожденія отъ крѣпостной зави-
 „мости.

„Я тебя спрашивалъ о томъ, какъ идутъ дѣла
 „въ Тверской губерніи по земству. Но, видно, у васъ,
 „также какъ и у насъ, все дѣло еще въ началѣ, а на-
 „стоящаго собранія еще не было.

„Любопытно будетъ посмотрѣть, какъ будутъ рас-
 „поряжаться весьма серіозными дѣлами наши выборные,
 „которымъ придется завѣдывать всѣми внутренними
 „финансовыми дѣлами губерніи, надъ которыми многіе
 „и многіе чиновники, по русскому выраженію, зубы
 „сѣбли. Сколько затѣмъ чиновниковъ остается безъ
 „мѣста, сколько прибавится пролетаріевъ, — страшно
 „подумать, если прибавить къ ихъ списку ихъ женъ
 „и дѣтей.

„Многіе уже заранѣе ищутъ замѣнить нынѣшнія
 „упраздняемые мѣста на мѣста, болѣе прочныя. Но
 „рѣдкому эти попытки удаются, потому что всѣ твердо
 „держатся своихъ мѣстъ, уже насиженныхъ, а слѣдо-
 „вательно тепленькихъ. Впрочемъ, то, что мы въ шут-
 „ку здѣсь называемъ теплымъ мѣстечкомъ, оказывает-
 „ся въ дѣйствительности дѣтской игрушкой въ сравне-
 „ніи съ тѣмъ, что творится въ юго-западныхъ губер-
 „ніяхъ.

„Такимъ образомъ, другъ Матвѣй Ивановичъ, все
 „хорошее, нами ожидаемое, все еще впереди, а худое у
 „насъ на глазахъ и, какъ нарочно, выставляется нару-
 „жу и колетъ глаза.

„Затѣмъ прощусь съ тобой и спрошу вновь: когда
 „же твои дѣвицы примутъ болѣе почетное званіе рус-
 „скихъ гражданокъ—не малолѣтнихъ, какими онѣ нынѣ
 „подъ опекой твоей и Марьи Константиновны, но са-
 „стоятельныхъ, — подъ покровомъ гражданъ мужей?
 „Пора, и давно пора“.

„Всѣмъ вамъ сердечный привѣтъ приносить старый другъ ѿ“.

Е. Оболенскій.

Изъ воспоминаній А. П. Созоновичъ.

Е. П. Оболенскій.

„Въ противоположность Якушкину, Оболенскій радовался всякой свадьбѣ. Влюбленные молодые люди искали его ходатайства въ сватовствѣ за воспитан-

ѣ) Этимъ письмомъ заключилась переписка Евгенья Петровича съ его родственникомъ и другомъ.

Мучительная тревога, въ которой онъ находился во время опасной и продолжительной болѣзни своего старшаго сына, губительно подѣйствовала на его уже слабѣющее здоровье, а затѣмъ прибавилась простуда. Послѣ говѣнья, на другой день причастія, поутру за чаемъ онъ сталъ бредить. Воспаленіе легкихъ его свернуло въ четыре дня, и на пятый онъ скончался въ Калугѣ, 26 февраля 1865 г., окруженный нежными попеченіемъ любящей сестры, Натальи Петровны, и своей семьи, которую онъ спокойно оставлялъ подъ кровомъ втой сестры, своего божіаго ангела хранителя. Наталья Петровна сейчасъ же обезпечила его вдову 10 тысячами.

У покойнаго было многочисленное потомство, но большая часть его дѣтей поумирали въ Сибири и Россіи грудными младенцами. Послѣ него осталось двое сыновей, Иванъ и Петръ, выходящихъ изъ отрочества, и калужанка, дочь Ольга, 4 лѣтъ, любимица Натальи Петровны.

Впослѣдствіи племянница замѣнила тетущкѣ Евгенья Петровича и въ хозяйствахъ домашнемъ и сельскомъ, такъ какъ Наталья Петровна послѣ его кончины прожила слишкомъ 20 лѣтъ и умерла въ глубокой старости, тоже спокойно, въ семьѣ своего брата, съ которымъ не разставалась. Вполнѣ довѣряя Ольгѣ Евгеньевнѣ, она предоставила все свое состояніе ея попеченію и усмотрѣнію.

Сыновья Евгенья Петровича окончили курсъ въ Московскомъ университетѣ, старшій по медицинскому факультету, а меньшой по юридическому. Они служили и скончались одинъ за другимъ въ нѣбѣтующихъ лѣтахъ. Послѣ старшаго осталась вдова съ двумя малолѣтними сыновьями (эти внуки со своею матерью получили послѣ бабушки Натальи Петровны 15 тысячъ), а меньшой покинулъ жизнь, будучи женихомъ. (Прим. А. П. Созоновичъ.)